

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НИКОЛАС

БЛЕЙК

«УЛЫБЧИВЫЙ
С НОЖОМ»

ДЕЛО О МЕРЗКОМ
СНЕГОВИКЕ

Найджел Стрэнджвейс

Николас Блейк

«Улыбчивый с ножом».
Дело о мерзком снеговике

«Издательство АСТ»

1939, 1941

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Блейк Н.

«Улыбчивый с ножом». Дело о мерзком снеговике / Н. Блейк —
«Издательство АСТ», 1939, 1941 — (Найджел Стрэнджвейс)

ISBN 978-5-17-102538-0

Частный детектив Найджел Стрейнджуэйс и его «доктор Ватсон в юбке» – жена Джорджия, устав от треволнений своей профессии, решили поселиться в провинциальной глуши. Отныне они больше не ищут новых дел. Но новые дела находят их сами! Все началось с того, что Джорджия наткнулась на таинственный медальон, принадлежащий соседу Стрейнджуэйсов – майору Кестону. Майор ведет себя странно, и Найджел подозревает, что он может быть связан с контрабандистами. Вместе с женой Найджел начинает расследование – и вскоре приходит к шокирующему выводу: похоже, речь идет о государственной измене... Старинное имение Истерхэм потрясено: найдено тело сестры хозяина поместья. Полиция склонна предполагать самоубийство, но Найджел Стрейнджуэйс убежден: красавицу Элизабет безжалостно убили. Наиболее очевидным подозреваемым выглядит жених жертвы, знаменитый писатель Уилл Дайкс, чьи отношения с Элизабет были далеко не простыми. Однако Найджел уверен: на самом деле мотив избавиться от Элизабет имелся и у хозяев, и у гостей поместья...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102538-0

© Блейк Н., 1939, 1941

© Издательство АСТ, 1939, 1941

Содержание

«Улыбчивый с ножом»	7
Глава 1. Мать майора	8
Глава 2. Заблудившиеся бродяги	16
Глава 3. Дядя детектива	24
Глава 4. Влюбленный игрок в крикет	31
Глава 5. Два притворщика	39
Глава 6. Игривый ученый	46
Глава 7. «Английский флаг»	53
Глава 8. Гранки	58
Глава 9. Навуходоносор	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Николас Блейк
«Улыбчивый с ножом».
Дело о мерзком снеговике

Nicholas Blake

THE SMILER WITH THE KNIFE

THE CASE OF ABOMINABLE SNOWMAN

© Nicholas Blake, 1939, 1941

© Перевод. А.А. Комаринец, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

«Улыбчивый с ножом»

Посвящается Рут

*Тогда увидел я, как втайне зреет Тот темный замысел, и как его
лелеет Тот враг улыбчивый с ножом. И видел я дома, объятые огнем,
Измену, что в постели убивает, Войну, которая все кровью заливает.
Дж. Чосер. «Рассказ рыцаря»*

Глава 1. Мать майора

Январским утром поток солнечного света вливался в низкие окна коттеджа, придавая балкам, громадному каменному камину, голландским тростниковым циновкам на плиточном полу свежий вид, как после весенней генеральной уборки. Придя на смену постоянным дождям последних нескольких месяцев, этот солнечный свет был не просто благословением, а чудом.

«Живя в деревне, – размышляла Джорджия, – ты действительно откликаешься на смену времен года: в темные месяцы впадаешь в спячку, ток крови замедляется, голова соображает медленнее, а затем в одно прекрасное утро что-то меняется на небесах, выглядывает солнце, и жизнь начинает двигаться в другом темпе. Однако я, пожалуй, одомашниваюсь, потому что совсем не хочу уезжать отсюда, и, думаю, никогда не придется». Мысль была настолько странной, что Джорджия перестала помешивать чай, и рука замерла над чашкой. Всегда, до этого самого момента, едва уловив первый шепот весны, она испытывала беспокойство: ее воображение и телесную оболочку словно магнитом тянуло куда-то вдаль, и Джорджия на этот зов откликалась, отправляясь в одно из тех путешествий, которые сделали ее знаменитой женщиной своего времени.

Сегодня Джорджия не знала, радоваться или огорчаться, что она не чувствует этого влияния. «Наверно, я просто старею, – сказала она себе. – В конце концов, мне тридцать семь лет, и в этом возрасте женщине уже пора становиться благоразумной».

От грез Джорджию пробудил Найджел, который направил ее руку с ложкой к чашке и заставил помешать чай.

– Задернуть шторы? – учтиво любопытствовал он.

– Задернуть шторы?

– Да. У тебя был такой вид, будто с тобой случился легкий солнечный удар.

Джорджия рассмеялась. «Милый Найджел – он всегда знает, что у меня на уме!»

– На сей раз ты не совсем прав. Я размышляла о том, что становлюсь домашней. А ты по-прежнему доволен, что мы переехали сюда?

– Хм. Должен признаться, последние несколько месяцев меня посещали сомнения. Жить в деревне – это одно, а жить на полузатопленном острове – совсем другое.

– Ну, положение было не настолько плохо.

– Моя дорогая, дом практически смыло водой. Штормовые ветры продувают долину, балки содрогаются, в окна хлещет дождь. Когда ты что-нибудь видела в эти окна?

– Несмотря на это, ты выглядишь замечательно, – произнесла Джорджия, с любовью глядя на мужа.

– Сидячий образ жизни всегда шел мне на пользу. И, разумеется, есть некое внутреннее достоинство в том, чтобы жить в этих форпостах империи.

– Не понимаю, как тебе удается так расцветать, ничего не делая?

– А кто сказал, что я ничего не делаю? Я перевожу Гесиода.

– Я имею в виду, не делаешь никаких упражнений или...

– Что ты имеешь в виду – никогда не делаю упражнений? Разве я не хожу каждый вечер в паб? Если ты ждешь, что каждый день я еще и по грязи с тобой стану шлепать...

– Мне нравится это место, грязное оно или нет, – мечтательно заявила Джорджия. – Я увязую здесь. Все глубже и глубже. Как репа.

– Зная тебя, я бы сказал, что это маловероятно. А теперь давай посмотрим, какие новости пришли из цивилизованного мира.

Найджел начал вскрывать свои письма. Джорджия не получила по почте ничего, кроме каталога семян, в который и углубилась. Вскоре она захихикала:

– Послушай-ка вот это. «Герцогиня Пармы» очень эффектна, великолепна на клумбах, оранжево-красная с желтыми краями». Не завести ли нам в саду «Герцогиню»? Судя по описанию, она в твоём вкусе.

– Какое необычное письмо! – воскликнул Найджел через несколько минут.

– Дорогой, – вздохнула Джорджия. Это было самым худшим в браке с частным детективом. Невозможно предсказать, когда как снег на голову свалится письмо и Найджел окажется вовлечен в какую-нибудь причудливую и запутанную криминальную загадку. Да и в тех крупных гонорах, которые он получал, они практически не нуждались. От дела к делу Найджела вело лишь его ненасытное любопытство. – Что на сей раз? Убийство? Или небольшой шантаж?

– Ни то, ни другое. Это по поводу твоей живой изгороди.

– Живой изгороди?

– Послушай, и я тебе объясню. – Держа перед собой отпечатанный бланк, Найджел Стрейнджуэйс начал читать: – «В соответствии с положениями парламентского акта – пом-пом-пом – я, нижеподписавшийся, инспектор по наблюдению за состоянием шоссе – пом-пом – настоящим уведомляю вас и требую, чтобы вы немедленно укоротили, подрезали и подровняли вашу живую изгородь, примыкающую к дорогам графства – пом-пом, – а также подстригли боковые стороны, находящиеся поблизости от дорожной насыпи, и молодые побеги сверху на означенных изгородях, по крайней мере, перпендикулярных долине, и укоротили, срезали или обрубили ветви деревьев, кустов и густых посадок – пом-пом-пом, – таким образом, чтобы они не наносили ущерба означенным дорогам в виде тени, и солнце и ветер не лишались бы возможности проникать туда из-за них, и убрали срезанный с них материал». Пом. Ну, разве не великолепно? Язык Мильтона. Кто бы мог подумать, что в душе инспектора по наблюдению за состоянием шоссе таится такая поэзия? – «... чтобы они не наносили ущерба означенным дорогам в виде тени, и солнце и ветер не лишались бы возможности проникать туда из-за них».

Найджел начал напевать эту фразу на мотив речитатива.

– Что случится, если мы послушаем инспектора по наблюдению за состоянием шоссе?

– На нас пожалуются мировому судье.

– Ну слава богу, – усмехнулась Джорджия. – Я-то сначала подумала, что нам грозит новая неприятность.

И так оно и было, хотя ни один из них просто не мог этого предвидеть. Кому придет в голову, что уведомление из Совета сельского округа может причинить какие-то неприятности, не говоря уже о том, чтобы изменить ход истории, или что можно спасти Англию подрезанием живой изгороди. Однако так и получилось. Впоследствии Джорджия видела эти грандиозные события словно балансирующими, как ангелы схоластов на кончике иглы, на нескольких крохотных и сомнительных условиях. «Если бы мы купили коттедж в любом другом месте Англии, нам не пришлось бы подстригать живую изгородь самим, поскольку Девоншир – единственное графство, где землевладельцы по-прежнему обязаны подстригать свои изгороди, выходящие на дорогу. Если бы солнце не выглянуло в то утро, я, вероятно, оставила бы эту работу садовнику. Если бы любой другой человек подстригал ее, то, скорее всего, не заметил бы медальона – Найджел часто повторял, что от моего глаза ничто не ускользает, – бедненький, сам он такой близорукий; и даже если бы его нашли, только обладающий любознательностью моего мужа человек взял бы на себя труд внимательнее рассмотреть его. А говоря о любознательности, стоит ли забывать о сороке? Наверняка всю эту кашу заварил она. Да, если бы у этой сороки не случился приступ kleptomании, медальон никогда не попал бы в живую изгородь. Что лишь доказывает, что порой преступление совершается к пользе...»

Светившее в окно коттеджа солнце усиливало бледность Найджела. Подобно многим другим чертам его внешности, например, взъерошенным волосам цвета пакли или по-детски надутый нижней губе, бледность эта была обманчива. На здоровье Найджел никогда не жаловался, в

характере его не было ничего ребяческого: вы понимаете это, едва встретившись с ним взглядом, – на вас смотрят немного отстраненно умные, добрые глаза, которые в любой момент готовы сузиться, вспыхнув самым пристальным вниманием. Джорджия прекрасно знала, каким самодостаточным человеком был ее муж, однако порой ей нравилось притворяться, будто он нуждается в уходе, а Найджел подыгрывал жене со сдержанной, полной любви насмешливостью.

Сейчас Джорджия думала: «Разве я смогу когда-нибудь оставить мужа? Он так во мне нуждается. Но, предположим, мне опять приспичит куда-нибудь отправиться, а такое желание может возникнуть в любой момент. Я должна заранее против него вооружиться».

– Совершу-ка я, пожалуй, сама набег на изгородь, – произнесла она. – Сегодня утром.

Найджел что-то помычал в ответ, уткнувшись в газету. Джорджии вдруг захотелось довести до его сведения свое настроение и вытряхнуть из кокона безмятежного спокойствия.

– Ты не будешь возражать, если я тебя покину, Найджел?

Он снял очки в роговой оправе и с интересом посмотрел на жену:

– Ради другого мужчины? Я бы сказал, что буду весьма рассержен.

– Я имею в виду, что снова отправлюсь путешествовать.

– Ты говоришь о какой-то конкретной экспедиции?

– Не совсем. Но...

– Полагаю, я прекрасно справлюсь один, – ответил Найджел. – Однако время до твоего возвращения будет долго тянуться.

Наклонившись, Джорджия поцеловала его в макушку.

– Я счастлива, что вышла замуж за тебя, а не за кого-нибудь другого, – прошептала она.

«Да, – думала Джорджия через несколько минут, надевая старый плащ для работы в саду и свободные кожаные перчатки, – мне действительно повезло. В мире нет другого человека, который устоял бы перед искушением указать мне на мою непоследовательность – сначала я говорю, что хочу быть репой, а потом бормочу что-то насчет желания отправиться на край света. Что такого привлекательного находит во мне Найджел?» – размышляла она, радостно изучая в зеркале свое маленькое, с неправильными чертами лицо; его живое выражение могло с поразительной быстротой смениться обаятельной в своей уродливости печальной миной. «Она похожа на призрак обезьянки шарманщика», – однажды сказала одна из ее подруг. В самую точку и не без лести, подумала Джорджия, строя себе в зеркале гримасы. Очень скоро ей предстояло узнать, насколько до странности пророческим был тот нелепый разговор с Найджелом.

А пока был только солнечный свет и поля, складками спускающиеся с холма, словно зеленое платье. Узкая дорога из деревни тянулась мимо их коттеджа и взбиралась на выступ холма; этим путем можно было добраться до моря, преодолев пять миль ухабистой дороги. Автомобилисты обычно бросали взгляд на ее пугающие неровности, и, если им удавалось развернуть машину, торопились вернуться на основное шоссе. С того места, где Джорджия стояла, на высокой насыпи над дорогой, она видела беленый коттедж под тростниковой крышей, серебристые извивы реки в долине внизу, а за ней – волны зеленых и коричневых холмов, простиравшихся до горизонта. Все дышало миром и покоем. Ни звука или движения, кроме отдаленного грохота экспресса, спешившего на запад по той стороне долины; белый дымок лежал на его спине, как страусовое перо. Джорджия взяла секатор и принялась за живую изгородь.

Там и нашел ее Найджел, когда через час вышел из дому прогуляться. Он стоял на дороге, глядя вверх на жену. Темные волосы упали ей на лицо, смугловатая кожа покраснелась от физической нагрузки. Джорджия буквально вгрызалась в изгородь, совершенно не подозревая, что за ней наблюдает муж.

– Все еще прорубаешь наш путь сквозь девственный подлесок? – вежливо осведомился он.

Джорджия быстро обернулась, непроизвольно убирая назад и приглаживая волосы.

– Боже! Работа трудная. Наверно, я похожа на Медузу.

– Если бы мрамор мог краснеть, он был бы похож на тебя.

Джорджия прыгнула с насыпи на дорогу. Поскользнувшись, она сдвинула серо-зеленые и рыжие залежи листьев в канаве и, восстановив равновесие, заметила среди них какой-то неяркий блеск. Наклонившись, подняла маленький круглый металлический предмет, потускневший из-за пребывания под открытым небом до цвета палой листвы.

– Смотри, что я нашла! Скрытое сокровище.

Найджел взял предмет и с любопытством оглядел его.

– Какой-то медальон, да? Очень дешевый, думаю, от «Вулворта». Интересно, как он сюда попал?

– Местные устраивали свидания под изгородью. Мне сначала показалось, будто это настоящее золото. Брось его.

– Нет, – сказал Найджел, – я хочу посмотреть, что там внутри.

– Дорогой, ты ничего там не найдешь, кроме прядки жирных волос или фотографии какой-нибудь пучеглазой крестьянки.

– Открыть его будет непросто, – рассеянно промолвил он, шаря по карманам. – Мой перочинный ножик остался дома.

– Смотри, не порежься! – крикнула ему вслед Джорджия. У мужа были не слишком ловкие руки.

Когда она пришла приготовить ланч, Найджел сидел за письменным столом.

– Что, по-твоему, может означать «А.Ф.»? – спросил он, обернувшись через плечо.

– Акрофут, – предположила Джорджия.

Муж подал ей маленький бумажный кружок с чуть выцветшим, но ясно различимым британским флагом и отпечатанными на нем буквами «А» и «Ф».

– Нет, тогда это, вероятно, означает армию и флот, – сказала она. – Где ты его нашел?

– Кружок был в медальоне. И это тоже.

Джорджия посмотрела на предмет, который Найджел положил ей на ладонь, – круглый кусочек картона, дагеротип, с которого смотрело лицо молодой женщины с сильно подведенными бровями и блестящими черными волосами, разделенными на пробор и падающими на голые плечи густыми тугими локонами. Наклоненная набок голова придавала облику женщины кокетливость, смягчая мрачное выражение губ и глаз. В общем, это был облик исключительной чистоты.

– Красавица, правда? Что она делает вместе с флагом в этом дрянном медальоне?

– Вот и мне это интересно, – произнес Найджел. – Понимаешь, странно, что флаг засунули между снимком и картонным задником. Если бы вся эта начинка не подмокла, я никогда не заметил бы соединения. Зачем владельцу прятать флаг под своей прекрасной родственницей?

– Ты просто настоящая ищейка! Наверняка этому есть какое-нибудь совсем простое объяснение. Идем обедать.

– Я только снова склею все это вместе.

Найджел смазал края двух кружков, вложил между ними бумажный флаг, вставил в медальон и бросил его на стол. Там он пролежал пару дней и, может, лежал бы не один месяц, если бы снова не вмешалась судьба – в невероятном обличье звонарей из Фоулитона.

Чета Стрейнджуэйс часто здоровалась с майором Кестоном, когда тот проходил мимо их коттеджа по пути в деревню или возвращался в свой дом за холмом. Они знали, что дом этот он построил два года назад, и, хотя был сравнительно новым жителем деревни, уже имел в ней определенный вес. Но до сих пор не выказывал намерения распространить свое гостеприимство на супругов, а они, со своей стороны, полагали, что вряд ли майор Кестон окажется человеком их круга. Для них стало сюрпризом, когда в тот вечер он появился у дверей их дома

со своим бультерьером – маленький, напористый человек с несколько агрессивными манерами и взглядом, который, как по опыту знал Найджел, свидетельствовал о больной печени либо о постоянном недовольстве.

– Вижу, вы хорошо устроились, – заметил майор Кестон, осматривая комнату с любопытством, в котором умудрился соединить ненавязчивость с долей нахальства. – Недурственное помещенье, ничего не скажешь. Как мэм относится к сельской жизни?

Найджел сообразил, что майор имеет в виду Джорджию.

– Очень хорошо, спасибо. Она спустится через минуту. Желаете выпить?

– Спасибо, нет. Даже не прикасаюсь к этому.

Ну, значит, это недовольство, подумал Найджел, а не больная печень. Майор Кестон торопливо продолжил, словно извиняясь за резкость ответа:

– Мне следовало бы навестить вас раньше. Сказать по правде, я немного боялся. В смысле, ваша мэм – знаменитая женщина. Трудно ожидать, что у нее найдется время для такого простого народа, как мы.

«Вот в чем дело, – подумал Найджел, – ему неприятен наш переезд в его деревню: он боится, что внимание переключится с него на Джорджию».

– Не думаю, что она покажется вам такой уж страшной, – спокойно произнес он.

Они немного побеседовали о погоде. Затем майор Кестон признался, что одна из причин его визита – сбор пожертвований в фонд деревенских звонарей. Найджел подошел к письменному столу, включил свет над ним, чтобы поискать казначейские билеты, которые обычно держал там в отделении для бумаг. Однако этим вечером отделение для бумаг пустовало, и Найджел направился вверх за бумажником, который оставил на комод.

На стене под лестницей висело выпуклое зеркало. Приблизившись к нему, Найджел заметил в нем отражение майора. Тот поистине отличался быстротой передвижения: он уже стоял у стола, хотя Найджел не слышал позади себя ни звука. Пока Найджел шел мимо зеркала, человечек в нем приподнял свою миниатюрную, блестящую ручку, затем, будто бы передумав, отвернулся и бесшумно вернулся к камину.

«Мог хотя бы подождать, пока я выйду из комнаты, прежде чем обшаривать мой стол, – подумал Найджел, которого почти уже перестали удивлять странности человеческой природы. – И я не понимаю, почему должен предоставить ему возможность».

Вместо того чтобы подняться вверх, он громко позвал Джорджию, прося захватить его бумажник. Вскоре она появилась, и Найджел представил ей майора Кестона. Его всегда забавлял процесс знакомства Джорджии с людьми. Жена обладала способностью, усиленной опытом пребывания в чужих местах среди незнакомых людей, мгновенно распознавать истинный характер тех, кого видела впервые. Она редко сразу проникалась к кому-то антипатией, но, если подобное происходило, это всегда в конце концов себя оправдывало. Физическое ощущение неприязни, отвращения было настолько сильным, что Джорджии казалось, будто оно написано на ее лице неоновыми огнями, и, чтобы скрыть это, она напускала на себя чрезмерную оживленность, изображая хозяйку дома, что было ей совершенно чуждо.

Сейчас она вела себя очень живо, с тайным удовольствием отметил Найджел. И морщинистому человечку это вроде бы нравилось.

– Я так рада, что вы заглянули к нам, майор Кестон! Мы оба хотели с вами познакомиться, узнать вас поближе. Мы много слышали о вас в деревне.

Джорджия щебетала. Майор млел. Потом он произнес:

– Надеюсь, вы не обидитесь, Стрейнджуэйс. Я заметил, что вы пошли к тому столу за деньгами. Если мне позволено будет сказать, я не стал бы держать там деньги, только не в наши дни. Стол легко открыть. В последнее время в округе столько грабежей – правда, действовал, пожалуй, любитель. Ваш стол как раз такой объект, на который польстится этот человек.

– Спасибо за информацию. Однако не думаю, что вору удастся нанести нам какой-то ущерб. У моей жены чуткий сон, и она прекрасно стреляет.

Джорджия нервно захихикала:

– Да, мне пришлось застрелить пару человек. В целях самозащиты, разумеется. – Что было правдой.

Круглые глазки майора сверкнули. На мгновение он растерялся, затем спросил:

– Полагаю, вы тоже умеете обращаться с оружием, Стрейнджуэйс? Должны, при вашей-то работе.

– При моей работе?

Найджел удивленно смотрел на него: он не любил, когда его деятельность частного детектива становилась достоянием гласности. Его имя никогда не появлялось в газетах в связи с расследованиями, которые он вел, и Найджел не понимал, как майор мог до этого докопаться.

– Ну, черт побери, арест убийц и все такое.

– Ничего подобного я не делаю. Аресты я оставляю полиции. Ужасно боюсь огнестрельного оружия, – усмехнулся Найджел.

Взгляд майора Кестона исполнился презрения. Тема эта, однако, подсказала ему реплику. С нахальством, которое неприятно поразило Найджела, он продолжил расспрашивать супругов, почему они поселились в таком отдаленном уголке страны. Джорджия с воодушевлением болтала о красотах Девоншира, преимуществах простой жизни, о своем желании удалиться от их шумной жизни в Лондоне и тому подобном. Вскоре их посетитель, похоже, удовлетворил свое любопытство, хотя Найджел едва удержался, чтобы не поинтересоваться, почему им нужно разрешение на то, чтобы жить в деревне майора.

Наконец майор Кестон поднялся и собрался уходить. Его взгляд упал на письменный стол.

– Благослови, Господи, мою душу! – воскликнул он. – Что это там? По-моему, мой медальон. Да, это он. Где вы его нашли? Я потерял медальон прошлой весной.

Джорджия объяснила.

– Мы его открывали, думая, что найдем какое-нибудь указание на владельца. Но внутри не было ничего, кроме старой фотографии.

– Да, – сказал майор, и его голос изменился. – Моей матери, собственно говоря.

Глаза Джорджии расширились. Секунду она молчала, а потом быстро произнесла:

– Вашей матери? Какая красивая женщина! Мы были поражены ее внешностью... Правда, Найджел? Полагаю, она была очень молода, когда делался этот снимок?

– Да. Я помню ее такой, когда был мальчиком, а она заходила пожелать мне спокойной ночи перед тем, как ехать на приемы. Разодетая. Ну, вы понимаете. – Майор что-то буркнул. – Бедняжка, она умерла, когда я был ребенком. Чахотка.

– Вы не возражаете, если я еще разок взгляну на нее? – спросила Джорджия.

«С чего вдруг такая игривость?» – удивился Найджел.

Жена открыла медальон, вынула дагеротип и подошла к камину, чтобы рассмотреть его при лучшем освещении. В следующий момент она вскрикнула:

– Ой, какая я неловкая!

Снимок упал в ведро для угля. Майор учтиво нагнулся за ним, но Джорджия оказалась проворнее. Достав снимок, она начала протирать его носовым платком.

– Мне очень жаль. Вот. Думаю, теперь все в порядке. К сожалению, медальон попортился, полежав в канаве. Бедненький, – без умолку трещала Джорджия, – лежал засыпанный листьями, будто какой-то мусор. Как вы, наверно, рады получить его обратно!

Рука майора дрожала от волнения, когда Джорджия положила ему на ладонь медальон.

– Очень благодарен, – пробормотал он. Пристыженный, однако, не утративший подозрительности майор с беспокойством переводил взгляд с Джорджии на Найджела. – Птица! – неожиданно крикнул он. – Кто еще, кроме нее? Проклятая сорока!

– Утащила его, вы хотите сказать? – уточнил Найджел.

– Так точно. По пути ко мне полно этих мерзавок. Вы не заметили старого гнезда там, где нашли медальон?

Джорджия покачала головой.

– Правда, несколько деревьев там есть.

– Так я и думал, не сомневался.

Майор чрезвычайно обрадовался, докопавшись до сути дела.

Когда затих звук его шагов на дорожке, Найджел взял жену за руки и встряхнул:

– К чему этот спектакль простодушия, моя дорогая? И зачем беспомощная маленькая женщина уронила фотографию матери майора в ведро для угля?

– Неужели ты не понимаешь? Кем бы ни была эта красивая дама, она никак не может быть матерью майора. Поэтому я ее и уронила, не хотела, чтобы майор понял, что мы заглядывали под снимок. Твой клей совсем свежий, поэтому я и втерла в края достаточно угольной пыли. Майор страшный человек, у меня от него мороз по коже, но он не настолько глуп, как хочет нам показаться, поэтому...

– Подожди, не так быстро! – перебил Найджел поток красноречия своей жены. – Почему она не может быть матерью майора?

– Тугие локоны. Подобные прически были в моде в середине XIX века. Наш лживый майор заявляет, будто видел ее ребенком. Значит, сегодня ему должно быть от восьмидесяти до ста лет. Не сходится.

– Может, это карнавальный костюм? – предположил Найджел. – Нет, конечно. Он намекнул, что это был ее обычный наряд по вечерам, когда она уезжала на приемы. Тогда, если она не являлась его матерью, зачем он так из кожи вон лез, чтобы заполучить медальон? Предположительно, важной вещью является британский флаг с буквами «А.Ф.» на нем. Кстати, сначала майор не хотел, чтобы мы вообще как-то связали его с медальоном. Отсюда и запугивание грабежами.

– Поясни, пожалуйста, милый.

Найджел рассказал жене, что видел в выпуклом зеркале.

– Когда майор заметил медальон у меня на столе, первым его побуждением было схватить эту вещь. Однако он сразу сообразил, что мы можем связать его с исчезновением медальона. Тогда решил рассказать нам про местного вора-любителя, это он ловко придумал: хотел подготовить нас к грабежу. Не сомневаюсь, майор сам собирался залезть к нам в одну из безлунных ночей, взять медальон и несколько других вещей, чтобы замаскировать его кражу...

– Боже! Как долго здесь тянется время, если у них такие зимние виды спорта!

– ...но когда я сказал, что у тебя чуткий сон, а ты еще небрежно вспомнила о людях, которых убила... Что ж, он передумал. Поэтому и заговорил о матери.

Джорджия пристально смотрела на мужа, нахмутив лоб.

– Найджел, это же нереально. Я признаю, что майор Кестон мне не понравился, но...

– Я это заметил. – Он рассеянно улыбнулся. – Знаешь, если бы это был его медальон, а с ним связана какая-то тайна, он наверняка не допустил бы ошибки с дагеротипом. Следовательно, медальон должен принадлежать кому-то другому, кого майор знает, и он желает заполучить его. Что это означает?

– Понятия не имею.

– Шантаж, любовь моя. Я считаю, что мне придется глубже вникнуть во все происходящее.

– Найджел, а это обязательно? Мы ведь только успокоились и...

– Ну тебя это не затронет. Твоя работа закончилась, когда ты обратила внимание на локоны.

Но на сей раз Найджел сильно ошибался.

Глава 2. Заблудившиеся бродяги

– Схожу-ка я в «Зеленого льва», припаду к источнику, – сказал на следующий вечер Найджел. – Если мы пойдем сейчас, то, вероятно, застанем Гарри одного – парни начинают собираться там в основном часов с семи.

– Мы? Вчера вечером ты заявил, что свою часть работы я выполнила.

– Но тебе ведь хочется узнать побольше о таинственном майоре, верно? Ты можешь просто сидеть, наострив уши, пока я буду вести разговоры.

Через пять минут они находились в баре «Зеленый лев», грея ноги у пылающего камина. Джорджия, пристрастившаяся к грубому сидру, какой варят на западе страны, и питавшая теперь здоровое почтение к его крепости, держала обеими руками кружку.

– Удачи, Гарри! – воскликнула она и сделала глоток.

«Зеленый лев» ничем не напоминал модные столичные пабы, блестящие хромом и не располагавшие к долгим посиделкам; здесь вы на целый вечер усаживались на жесткую скамью, растягивая скромную пинту или две на три часа неспешного распития и еще более неспешной беседы. Само молчание было тут компанейским. Оно напоминало Джорджии о военном совете, который она однажды посетила в числе жителей одного меланезийского острова. Полчаса просидев на корточках в полной тишине в хижине, воины разошлись. Джорджия спросила вождя, когда же состоится военный совет.

«Мы только что его закончили», – последовал ответ.

Похоже, телепатия была в ходу и в «Зеленом льве», поскольку Гарри Льюс неожиданно нарушил молчание словами:

– Я слышал, вам нанес визит майор Кестон.

– Быстро же в Фоулитоне расходятся новости, – заметила Джорджия.

– Он был здесь позавчера и мешал работать, задавая кучу дурацких вопросов о вас. «Почему, черт побери, он спрашивает меня, – сказал я себе, – если они настолько ему интересны, сходил бы сам и поговорил с ними». «Меня это не касается», – заявил я. Тогда он объявил, что сходит.

– И из этого вы сделали свое заключение? Но приход майора сюда меня удивляет. Он сообщил, что не пьет.

На худом, похожем на мордочку хорька лице Гарри отразилось праведное негодование. Он смахнул с жилета сигаретный пепел и ловко плюнул в огонь.

– Он и не пил. Стоял в баре ровно двадцать минут и не купил даже пачки сигарет. Неправильно это, по моему мнению.

– Майор вроде весьма популярен в этих краях?

– И да, и нет. Говорят, он общается с фермерами, и они частенько заглядывают на Ярнолдскую ферму. Но ему хочется верховодить... По отношению к жителям деревни он слишком заносчив. Когда майор приехал сюда, мы в его честь звонили в колокола, так сказать, поскольку его семья была сквайрами в Фоулитоне...

– Я и не представлял... – перебил его Найджел. – Думал, он тут новичок.

– Кестоны уже два поколения не живут здесь, и в последнее время Фоулитон-Хаус пустовал. А теперь ответьте мне, мистер Стрейнджуэйс, и вы, мадам, почему майор не поселился в Фоулитон-Хаусе, если хотел обосноваться тут как сквайр?

– Вероятно, ему это было не по средствам?

– Как же, черт меня побери, да он, наверно, тысячи угрохал на перестройку Ярнолдской фермы. Деньги у него есть, это точно. Теперь другой момент. Тогда майор нанимал местных рабочих, но в прошлом году, когда захотел сделать пристройку, привез для этого чужаков.

– Чужаков?

– Из Лондона или откуда-то оттуда. Мы с ними не знали. Неправильно это. По слухам, ему построили отличную мастерскую. Просто чудеса творит там своими руками.

– Мы должны сходить туда и посмотреть.

– Только не отправляйтесь туда поздно, – произнес Гарри, лукаво подмигнув Джорджии.

– Почему же?

– Неужели вы никогда не слышали о призраке Ярнолдского перекрестка? Тогда вон спросите Джо. Никто из нас не любит ходить мимо того перекрестка ночью, правда, Джо?

Джо Суитбрэд, который во время беседы занял свое обычное место у огня, пошевелил в камине клюкой и невольно выплеснул сидр, нагревавшийся там в блюдечке. Он был очень старым и, на взгляд Джорджии, как две капли воды походил на участников массовой, которых нарядили под сельских старцев для британского фильма, снимаемого по разнарядке. Они оживляли действие, периодически исполняя народные песни Сомерсета, причем идеально с точки зрения музыкальной гармонии и с лондонским акцентом. Но голос Джо разрушил эту иллюзию. Он охрип от возраста и, как показалось Джорджии, из-за разросшихся аденоидов, отчего речь старика почти невозможно было разобрать.

– Ну да, да, правда, – забубнил Джо Суитбрэд. – Призрак у Ярнолдского перекрестка. Видел я его. Хе-хе! Сбивала масло. Бедная девушка.

– Может, она хотела согреться? – высказал предположение Гарри. – Она была молочницей на Ярнолдской ферме, наверно, лет сто назад. Стала строить глазки фермеру, понимаете? И тогда жена фермера...

– ...Она взяла палку, заострила ее да и ткнула девушке в глаз, – продолжил Джо. – Девушка выбегает из дома, вопит и падает в колодец, бедняжка, хе-хе. И теперь вот бродит на перекрестках. Я ее видел.

– Колодец они замуровали, – добавил Гарри, – но после этого дела пошли неважно. Они покинули ферму, и та разрушилась. Вот так.

– Кто-нибудь недавно видел это привидение? – поинтересовалась Джорджия.

– Молодой Генри Тьюл. Он провожал одну девушку и ночью очутился на перекрестке. Это было после того, как приходил майор, да, Джо? Как вихрь слетел с холма на своем велосипеде. «Я ее видел», – орал он. Белый был, как простыня. Молодой Генри немного с приветом. Вы когда-нибудь слышали про тот случай, когда он забрался в бадью?

– Нет.

– Ну этот молодой Тьюл однажды почувствовал себя неважно. Поэтому он идет к врачу, а потом возвращается домой и до отвала наедается за обедом. Затем уходит во двор, а скоро его мать слышит, как он ее зовет. Она выглядывает и видит молодого Генри абсолютного голого в бадье с водой. «Что ты делаешь в бадье?» – удивляется она. «Да не важно, мам, – отвечает он, – принеси ту бутылку, которую дал мне доктор». «Ты спятил?» – спрашивает она. «Черт, – говорит он, – принеси же бутылку, наконец! Доктор сказал мне, чтобы я принимал лекарство три раза в день после еды в воде». В воде, понимаете? Поэтому он и залез в бадью. Чистая правда, не сойти мне с этого места. Вот уж мы посмеялись. Молодой Генри совсем простак, чего тут сомневаться.

Когда Гарри принимался за местный фольклор, удержать его было невозможно. Вскоре тема майора Кестона вроде себя исчерпала, и Джорджия с Найджелом отправились домой.

– Жаль, я не могу вспомнить... уверена, я что-то слышала о майоре и раньше, – произнесла Джорджия. – Откуда он приехал? Странно, что Гарри ничего об этом не говорит, хотя его можно считать местным ходячим справочником «Кто есть кто».

– Давай сходим завтра на Ярнолдскую ферму и поинтересуемся. Нас майор расспрашивать не постеснялся. Самое время ответить ему тем же.

На следующий день они поднимались вверх по узкой дороге, ведущей к Ярнолдскому перекрестку. На вершине холма дорога свернула направо и вытянулась вдоль гребня холма.

Небо уже приобрело тот захватывающий, светящийся вид, который сообщает путнику о приближении к морю. Хотя супруги тяжело дышали после крутого подъема, они невольно ускорили шаг. Найджел неуклюже, как журавль, вскидывал ноги, Джорджия же двигалась с красотой и неумолимой плавностью спортсменки. Через четверть мили они достигли перекрестка. Там они минуту постояли, пока Джорджия ориентировалась на местности. Дорожка перед ними тянулась вниз с холма несколькими крутыми, узкими изгибами к шоссе, которое уходило здесь от берега вглубь материка. Слева от них другая тропинка вела к Эксетерской дороге, дальше на западе пересекавшей их деревню. Дорожка справа, чуть лучше каменистой тропинки, резко ныряла вниз в ложбину, где стояла Ярнолдская ферма. Ярнолдский перекресток как раз и находился в конце этого сухопутного мыса, откуда на три стороны простирались коричневые и зеленые холмы. Почти машинально в голове у Джорджии отпечатались схематическая карта окрестностей. Затем супруги повернули направо и через пару минут, встреченные громким лаем собак, стояли у дверей дома майора Кестона.

Дождаясь, пока на их звонок откроют, они получили прекрасную возможность внимательно осмотреться. От старой Ярнолдской фермы уцелели только какие-то заброшенные надворные постройки. Новый дом, кирпичный, с зеленой черепичной крышей, послужил бы украшением первоклассного жилого столичного пригорода; правда, в этом удаленном уголке он выглядел не столько претенциозно, сколько нелепо – словно плакат с рекламой роскошного отеля на глухой деревенской станции. Иллюзия столичного пригорода распространялась даже на лужайку перед домом с ее аккуратными клумбами и бетонными дорожками – далее она переходила в неухоженную живую изгородь и заросшее пастбище. Дом стоял как богатый городской выскочка в костюме для загородной прогулки и в своем невежестве снисходительно таращился на выемку ложбины на юге, повернувшись спиной к лесистым склонам, которые защищали его с востока и севера.

– Думаешь, его нет? – спросил Найджел.

– Позвони еще раз. Кстати, где, по-твоему, тот колодец... в который упала бедная девушка, хе-хе?

– Где-нибудь на задах, полагаю.

В этот момент дверь открыла высокая женщина с суровым лицом, достаточно грозная, чтобы оказаться реинкарнацией жены фермера, которая заострила палку и ткнула в глаз той красивой молочнице. Посмотрев на них с озадаченным видом, она произнесла:

– Вам майора Кестона? Входите. Вы ведь здесь новенькие?

Джорджия невольно покосилась на свой элегантный костюм из зеленого твида. Что с ним не так? Почему эта женщина с таким любопытством на него смотрит? И «вы здесь новенькие», без сомнения, – необычное начало для разговора? Однако времени поразмыслить над этими вопросами не было, потому что их провели в неожиданно приятную комнату, оживляемую кирпичным камином, в котором пылали дрова, и яркими льняными шторами. Странно женственная комната промелькнуло в голове у Джорджии, она плохо сочеталась с майором или с его прямой, как палка, экономкой. Найджел уже вышел на охоту, обследуя полку с романами, узоры каминной доски, груды викторианских баллад на пианино.

– Это, – пробормотал он себе под нос, – какая-то неопределенная комната. Не столько *rus in urbe*, сколько *suburbia in rure*¹.

– Привет-привет! – Майор Кестон вошел, энергично потирая руки. – Пришли посмотреть мой серенький домишко на западе? Чай уже пили? Нет? Хорошо, посмотрю, что там сможет соорудить миссис Рейкес.

Джорджия и Найджел переглянулись, ошеломленные этим взрывом любезности. «Что нашло на этого человека? – спросила себя Джорджия, пока он суетился, прямо-таки навязыва-

¹ Деревня в городе; пригород в деревне (*лат.*). – Здесь и далее примеч. пер.

вая ей пирожные, помешивая угли в камине, переставляя экран за ее спиной. – Я сделалась настолько популярной? Или это предварительные уловки в игре шантажиста? Нет, это лишь профессиональная подозрительность Найджела. Но есть в майоре Кестоне что-то пронырливое... А обхаживающий кого-то проныра явно настораживает».

– Вы были на Востоке, – спросил Найджел, – не так ли?

– Да. Потом я получил наследство, подал свои документы на рассмотрение, вернулся в Англию. Знаете, прежде моя семья жила здесь, в поместье.

«Не слишком ли удачно все это сложилось?» – удивилась Джорджия. Внешне ответ майора был вполне откровенным, но малоинформативным. Найджел бросил на жену многозначительный взгляд: он хотел, чтобы она продолжила тему.

– А где находилась ваша часть? – поинтересовалась она. – Я сама много путешествовала по Востоку.

Показалось ей, или действительно на лице майора промелькнула настороженность? Он напомнил поводящую носом ласку, которая учуяла опасность.

– В Индии, – ответил он. – Вообще-то я служил в полиции. Не желаете ли осмотреть мое скромное жилище?

– Спасибо, с удовольствием. Вы с таким комфортом все устроили.

Джорджия обворожительно улыбнулась. Ничто на ее внимательном смуглом лице не выдавало того факта, что как раз в этот момент она вспомнила, какие именно слухи долетели до нее о майоре Кестоне.

Он провел их по дому с несколько небрежным видом агента по продаже недвижимости, который сопровождает пару бесперспективных клиентов. Столовая, кухня, кабинет, четыре или пять спален наверху. Майор Кестон распахивал двери, включал свет, давал супругам возможность бросить взгляд, а затем подталкивал к следующей комнате. Для такого маленького хозяйства дом был великоват. Когда они вернулись в холл, майор Кестон взял многозначительную паузу. Он явно намекал, что им пора уходить, но Найджел намека почему-то не понял.

– Говорят, у вас замечательная мастерская, – произнес он. – Нам сказал Гарри Льюс.

– Недурственная. Когда живешь в таком месте, она необходима. Местные очень ленивые и неумелые. Как-нибудь покажу вам, если вы интересуетесь. Сейчас уже темновато.

Найджел покосился на жену. Их взаимопонимание было настолько совершенным, что Джорджия сразу сообразила, чего он хочет. Она неторопливо проследовала в гостиную под тем предлогом, что оставила там перчатки, и снова завела разговор. Хозяин забеспокоился еще больше. Наконец он сказал:

– Не хочу подгонять уходящего гостя и все такое, но сегодня вечером меня позвали на ужин. Нужно переодеться.

– Прошу прощения. Посмотри, Найджел, уже почти шесть часов. – С видом ужаса и раскаяния Джорджия указала на часы, стоявшие на каминной полке. – Как это эгоистично с нашей стороны. Время пролетело так быстро. Нам действительно пора уходить. Очаровательный дом, майор Кестон!

Когда они отошли на приличное расстояние от очаровательного дома, Найджел взял жену за руку.

– Твоя тактика затягивания была великолепна, любовь моя. Мне показалось, что ему не терпелось избавиться от нас, и я хотел в этом убедиться. Но почему?

– Возможно, майор действительно идет на ужин. Кстати, я вспомнила, когда он сказал, что служил в индийской полиции... Там возник скандал, его замяли, вероятно, из политических соображений. Майор приказал своим подчиненным открыть огонь по толпе, и были убиты несколько женщин. Официально его оправдали, однако дали понять, что ему лучше подать в отставку.

– Это соотносится с постоянным недовольством, отпечатавшимся на его непривлекательном лице.

Джорджии хотелось задать еще не один вопрос. Но в этот момент они подошли к Ярнолдскому перекрестку и уже собирались повернуть налево, когда услышали приближающиеся шаги на дорожке справа. Найджел быстро увел Джорджию в тень густой зеленой изгороди. Вскоре появились двое мужчин, потоптались на перекрестке и двинулись по тропинке к Ярнолдской ферме. Было еще достаточно светло, чтобы разглядеть, что это бродяги.

– Я всегда считала, что бродяги держатся главных дорог, – прошептала Джорджия.

– Я тоже. Если только... Давай-ка подождем несколько минут.

Они выждали четверть часа. Бродяги не вернулись.

– Уйти дальше они не могли. Эта дорожка заканчивается у дома майора Кестона, – произнес Найджел. – И майор не тот человек, кто привечает бродяг. Ты не возражаешь против небольшой прогулки?

Он снова взял жену за руку, и они стали спускаться по дорожке, ведущей на восток, по которой двое мужчин пришли. Джорджия знала, что лучше не спрашивать Найджела, что он задумал. Он был склонен к скрытности и держал свои версии при себе, пока они не получали подтверждения; сохранилась у него и юношеская любовь к сюрпризам.

Еще через милю дорожка соединилась с шоссе.

– «Я остановился и посмотрел, и послушал», – процитировал Найджел одно стихотворение. – Слышишь, чтобы кто-нибудь шел? Нет? Тогда одолжи мне свой фонарик.

Круг света колебался, как пляшущая медуза, пока Найджел ходил взад-вперед в том месте, где дороги соединялись. Наконец свет остановился у калитки в живой изгороди.

– Взгляни на это, – сказал он.

На столбике калитки мелом был нарисован крест.

– Это знак бродяг, – пояснил Найджел. – Они их ставят... сообщают, в каком доме есть злые собаки, а в каком тебя сытно покормят, и так далее.

– Что ж, тогда понятно, почему те двое мужчин свернули здесь с шоссе. Наверно, майор Кестон питает слабость к бродягам.

– Нет. Я знаю, что означает данный знак. «Не ходите сюда. Здесь ничего не дадут». В чем же тогда дело?

Джорджия ахнула, быстро сделав выводы. Дом майора Кестона – единственный на этой дороге, поэтому знак должен указывать на него. Но бродяги никогда не свернули бы с основной дороги, если бы не были уверены в гостеприимстве в том направлении. А знак ясно свидетельствовал им, что они его не получают. Следовательно, это были не настоящие бродяги. Тогда почему...

Найджел прервал ее размышления:

– Ты видишь, что это значит. Возможно даже, что они сами и нарисовали этот крест, желая помешать настоящим бродягам пойти в эту сторону. Похоже, майор и его заплутавшие друзья хотели остаться одни.

– Вероятно, парни совершают сегодня вечером черную мессу. Но к чему такие сложности? Почему не прикатить на дорогих машинах?

– Неизвестно. Как насчет еще одной прогулки перед ужином?

В деревне ночь сохраняет свою былую таинственность. Воздух полнится какими-то страшными намеками; пугающее дыхание поднимается от древней земли, заставляя шевелиться волосы у вас на затылке; ухают и проносятся совы, словно сама скрытная тьма отратила крылья и обрела голос. Освященные окна зовут вас поторопиться домой, и как только вы попадаете в помещение, ночь в недоумении отступает. За ужином Джорджия смотрела на мужа через стол и больше не верила в легкий трепет дурного предчувствия, который тронул ее душу, как кошка мягкой лапой. Муж предложил ей этой ночью сходить на Ярнолдскую ферму.

«Сколько раз я спала ночью в джунглях, в пустыне, в местах, где не было друзей и грозила опасность, – напоминала себе Джорджия, – и все же мне делается не по себе при мысли о прогулке под звездами в самом сердце Англии. Нелепо. Вся эта затея фантастична. “Что смотреть ходили вы?”² Отставного майора индийской полиции, уважаемого, заурядного обывателя, которого – на основании медальона и пары бродяг – мы подозреваем в каком-то гнусном злодеянии... Поделом же нам будет, если мы не схватим ничего, кроме простуды».

Чем дальше Джорджия думала об этом, тем менее разумным казалось ей их поведение. Найджел углубился в книгу, являя собой образ мирного домохозяйина на отдыхе. Теплый электрический свет, смягчаемый пергаментным абажуром, освещал сцену домашнего уюта – двух безобидных с виду людей, сказала себе Джорджия, лелеявших самые неприятные, нездоровые и недобрососедские мысли. Найджел посмотрел на свои часы.

– Десять тридцать, – объявил он. – Пора бы нам выдвинуться в путь. На твоём месте я бы оделся потеплее.

– И захватил бы свой автомат?

– Боюсь, ты несерьёзно к этому относишься.

Найджел насмешливо улыбался ей, но Джорджия наконец-то сообразила со смешанным чувством возбуждения и раздражения, что сам он воспринимает все происходящее весьма серьёзно.

Когда они снова тащились по дорожке, небо было усеяно морозными звездами. Серпик молодого месяца висел над их плечами, а почва под ногами слабо поблескивала, как старое зеркало. Дуновение ветра шевелило голые сучья, словно вздыхала, ворочаясь во сне, земля. Их шаги по неровной дорожке, казалось, разбивали и со скрипом перетирали тишину на тысячу острых кусочков. Теперь они уже достигли вершины. Пошли быстрее, бесшумнее. За следующим поворотом находился Ярнолдский перекресток и... нечто, что застало Джорджию врасплох, хотя она и могла этого ожидать. Зайдя за поворот, они увидели в пятидесяти ярдах перед собой призрак Ярнолдского перекрестка. Он стоял в том месте, где сходились четыре дороги, – высокая фигура с устало двигавшимися – вверх-вниз, вверх-вниз – руками, на которых играл свет. Призрак издал звук – как бы с воем содрогнулся. В ответ на это немедленно раздалась вопли Джорджии и панический топот супругов, когда они побежали обратно по дорожке.

Вскоре они остановились.

– Проклятье! – воскликнул, тяжело дыша, Найджел. – Я должен был об этом подумать. Идеальное место, чтобы поставить часового... и та легенда для подкрепления. Ясно, что они повеселились, и игра продолжается. Ты выказала незаурядное самообладание, крича подобным образом. Давай надеяться, что они приняли нас за местных жителей, которых отпугнули навсегда.

– Тихо! Почему не лают собаки майора Кестона? При всем том шуме, который мы подняли...

– Их заставили молчать. Это означает, что сегодня ночью туда собираются люди, и он не хочет, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Нам лучше пойти в обход. Ты сможешь найти дорогу к тому лесочку, откуда виден дом?

Пригодилась замечательная способность Джорджии ориентироваться на местности и карта, которая буквально запечатлелась у нее в голове. Преодолев калитку, они двинулись по темной возвышенности, неслышно ступая по дерну. Путешествие было трудным, поскольку супруги не смели продираться сквозь живые изгороди, возникавшие у них на пути, и вынужденно искали калитки или бреши, через которые могли проникнуть бесшумно. Наконец в темноте перед ними появился лесок, с севера спускавшийся по холму к Ярнолдской ферме. Когда они достигли его края, Джорджия схватила мужа за запястье и притянула к себе.

² Неполная цитата из Мф. 11:7.

– Теперь мне лучше идти вперед одной, – прошептала она. – В темноте ты плохо видишь, а пройти сквозь эти заросли тихо будет трудно.

В типичной и для Найджела, и для их отношений манере он не пытался протестовать. Знал, что жена проберется в темноте, как кошка, тогда как сам он уподобится танковой бригаде, если попробует преодолеть это переплетение деревьев и кустов.

– Ладно. Будь осторожна, – сказал он. – Буду ждать тебя.

Джорджия скрылась, как тень скользнув в лесок. Лишь легкий шорох веток отмечал ее продвижение, а вскоре затих и он. Найджел принялся размышлять над проблемой, приведшей их сюда. Это было похоже на воссоздание облика какого-то доисторического чудовища по нескольким разрозненным косточкам. Первоначальную версию о шантаже можно было исключить. Обратившись к своей феноменально точной памяти, Найджел разложил фрагменты голололомки: 1) медальон; 2) любопытство майора Кестона; 3) расположение Ярнолдской фермы, ее удаленность от другого жилья, ее близость к прибрежной дороге и морю; 4) то, что Гарри сообщил им о майоре, и скандал, вынудивший его уйти в отставку из индийской полиции; 5) настойчивое стремление майора Кестона выставить их из дома этим вечером в сочетании с прибытием двух фальшивых бродяг. Сколько еще «бродяг» могло анонимно добраться сегодня до Ярнолдской фермы? 6) «призрак» на перекрестке, который снова начал появляться после прибытия в Фоулитон майора.

Найджел был настолько поглощен размышлениями, что лишь подсознательно отметил отдаленное тарыхтение грузовика, доносившееся со стороны берега. Оно приблизилось и стихло где-то внизу в долине. Через несколько минут после того, как мотор грузовика заглушили, Найджел вспомнил, что слышал его.

– Вот, значит, как, – пробормотал он. – Нет, это невероятно. Но как еще можно все это объяснить?

Теперь Найджел ждал возвращения жены с нарастающей тревогой.

Джорджия тем временем терпеливо пробралась через лес и посмотрела на неясную громаду Ярнолдской фермы, где свет, еще горевший в одной из комнат первого этажа, отбрасывал белое, как иней, пятно на лужайку перед домом. Вскоре на этом участке спиной к Джорджии встала фигура, вглядывавшаяся в низину, отделявшую Ярнолдскую ферму от моря. Фигура вернулась в дом, и, казалось, целую вечность не слышалось никакого звука, не наблюдалось никакого движения. Ухо Джорджии, умевшее уловить опасность, не отметило ничего похожего на тревогу, объявленную призрачным часовым. Переполняемая возбуждением, покусываемая холодом, который начал проникать сквозь множество слоев теплой одежды, она подумала, что и вся эта история может оказаться ерундой. Призрак мог быть каким-нибудь валявшим дурака деревенским парнем, фигура внизу – майором, который вышел глотнуть свежего воздуха перед сном. В этот момент, словно для того, чтобы усугубить ее разочарование, на ферме погас свет.

Однако Джорджия была упрямой. По-прежнему могло произойти что-нибудь невероятное, и она была полна решимости ждать этого. Если бы Джорджия знала, что именно искать, то подобралась бы поближе к дому, несмотря на настойчивое требование мужа избегать риска быть уиденной. Прислонившись к пихте, она оставалась там в течение получаса. Наконец что-то нарушило чистую тишину ночи. Звук сам по себе невинный – отдаленный шум двигателя грузового автомобиля. Джорджия прислушалась к нему. Затем насторожилась. Грузовик ехал не по шоссе. Гул его мотора будто двигался навстречу ей, со стороны моря. Но это была лишь дорога на бухту Кэтоул, вспомнила Джорджия. Для чего грузовик едет от бухты в столь поздний час?

Через несколько минут разочарованная Джорджия снова прислонилась к пихте. Она ожидала, что грузовик, достигнув шоссе, пересечет его и двинется по извилистой дороге, ведущей к Ярнолдскому перекрестку. Вместо этого Джорджия заметила, как вспыхнули фары машины, и та свернула налево, к шоссе, которое как раз за этим местом тянулось к земле майора Кест-

она. «Черт! Все впустую. Я только что потеряла грузовик из виду. Наверно, там какая-то впадина, и она мешает различить фары», – подумала Джорджия. Она настолько досадовала на себя, на Найджела, на всю эту ситуацию, что лишь через несколько секунд осознала, что завывание мотора грузовика прекратилось.

Через мгновение Джорджия неслышно устремилась вниз с холма. Обогнув дом по широкой дуге, она постепенно приблизилась к шоссе. Джорджия по-прежнему ничего не видела, кроме смутного света автомобильных фар. Она должна подобраться поближе, должна. Вдоль дороги тянулась высокая, густая живая изгородь – граница владений майора. Под ее прикрытием Джорджия по шажку продвигалась вперед. Наконец перед ней появилось бледное полотно дороги. Джорджия скатилась в канаву вдоль изгороди. Раздвинула ее ветки.

На обочине дороги стоял грузовик, водитель сгорбился в кабине, будто спал. Что ж, он-то, может, и спал, но про остальных сказать этого было нельзя – одетые в лохмотья, похожие на бродяг мужчины, с полдюжины или больше, выгружали из грузовика деревянные ящики и вносили их через калитку на землю майора Кестона. Ящики казались очень тяжелыми для своего размера: мужчины переносили их по двое. Пока Джорджия наблюдала, вдалеке возник призрачный свет автомобильных фар. Вероятно, кто-то стоял на страже, так как задний борт грузовика быстро подняли и закрепили, и запоздалый автомобилист не увидел ничего примечательного, разве что грузовик на обочине, водитель которого решил отдохнуть. В следующую минуту мужчины снова взялись за дело. Скорость и строгая слаженность их работы никак не сочетались с их лохмотьями, очевидно, фальшивыми. Не прошло и десяти минут, как грузовик, освободившийся от ящиков, снова затарахтел, удаляясь в ночь.

Глава 3. Дядя детектива

– Говорите, ящики казались тяжелыми?

– Ну каждый из них мошенники-оборванцы переносили по двое, – ответила Джорджия. Сэр Джон Стрейнджуэйс посмотрел на племянника.

– Полагаю, это объясняет почти все, – произнес тот.

Они втроем сидели в квартире, которую Найджел и Джорджия держали в качестве пристанища для своих наездов в Лондон. После ночных маневров на Ярнолдской ферме миновало три дня. На следующее утро Найджел уехал в город, предоставив Джорджии самой справляться с любопытством и нетерпением, насколько это было в ее силах. Позднее он позвонил и попросил ее присоединиться к нему, но твердой рукой повесил трубку, когда жена принялась задавать вопросы. Даже когда Джорджия приехала, Найджел ничего не объяснил, и сдерживаемое возбуждение, которое угадывалось под его спокойствием, довело жену до крайней степени любопытства. Затем в тот вечер появился дядя Найджела и заставил Джорджию повторить, что именно она увидела из-за живой изгороди, и как раз в процессе повторения вдруг забрезжил свет.

– А теперь, – промолвила она, лукаво улыбаясь сэру Джону, – два молчуна, возможно, заговорят. Или нам нужно посмотреть, не стоит ли за дверью мужчина в маске, припавший ухом к замочной скважине?

С преувеличенной осторожностью Джорджия подкралась к двери и театральным жестом распахнула ее. И увидела широкую, облаченную в макинтош спину.

– О! – воскликнула она, захлопывая дверь. – Там... там действительно мужчина!

– Да, – кивнул сэр Джон. – Это один из моих сотрудников.

Джорджия молча села и в изумлении уставилась на него. Сэр Джон Стрейнджуэйс меньше всего походил на официальное лицо. Уютно устроившись в глубоком кресле, он напоминал смышленного, косматого терьера. Пожалуй, лучше всего его характеризовало слово «безобидный». Всякий раз, когда Джорджия бросала взгляд на его неухоженные, обвисшие рыжеватые усы, бесформенное серо-коричневое пальто, на эту трубку с чашкой из кукурузного початка, дымившую, как геенна огненная, у нее возникала иллюзия, будто перед ней домовладелец из пригорода, например бакалейщик на покое, который только что вернулся из своего сада, где с удовольствием трудился, а теперь снял садовые перчатки и уселся послушать радиопрограмму мистера Миддлтона о цветоводстве. Требовалось серьезное усилие, чтобы напомнить себе, что вообще-то сэр Джон возглавлял в Скотленд-Ярде Отдел безопасности. Только когда вы замечаете его глаза – голубые, но темнее, чем у Найджела, глубоко посаженные, мечтательные, внезапно вспыхивавшие живым интересом или рассматривавшие вас с улыбкой, от которой в уголках глаз собирались морщинки, – вы начинаете сознать, какое положение занимает этот человек.

– Ну, все равно, – проговорила Джорджия, приходя в себя, – я знаю, в чем тут дело.

– Неужели? – Сэр Джон вынул изо рта трубку, которую сжимал пожелтевшими зубами, и почесал в ухе ее черенком.

– Да, знаю. Контрабанда.

Возникла короткая пауза.

– Контрабанда чего?

– О, не знаю. Что нынче ввозят контрабандой? Шелк? Нет, ящики были слишком тяжелыми. Наркотики? Нет, слишком большими. Возможно, бренди. Да, наверно, его.

– Почему не... э... автоматы?

Джорджия захихикала:

– Почему нет? Или гаубицы. Или танки.

– Нет, автоматы нас вполне устроят, – произнес сэр Джон с такой серьезностью, что она почти поверила, что он все же не морочит ей голову.

– Что ж, я знаю, что мы перевооружаемся, но, по мне, это какой-то уж совсем замысловатый путь, – произнесла она.

– А теперь, если вы перестанете стрекотать, я вам кое-что расскажу, – проговорил сэр Джон. Он указал черенком трубки на дверь. – Вы поймете, что тот человек за дверью стоит там не для развлечения. Это должно держаться в секрете. Вы помните об организации «Cagoulards» во Франции?

– Люди в капюшонах? Да, смутно припоминаю... несколько лет назад...

– Это был заговор с целью свергнуть правительство Народного фронта и установить во Франции фашистскую диктатуру, которому якобы помогали оружием и деньгами две европейские державы. В Париже и других больших городах обнаружили склады оружия, планы похищения министров и оккупации стратегических пунктов. Он едва не осуществился. Ничего общего с сюжетами комических опер. Советую вам почитать об этом.

– Но вы же не предполагаете...

– Именно так, – сухо заметил сэр Джон. – На слово вы мне не поверите, поэтому придется прочитать вам краткую политическую лекцию.

Джорджия навсегда запомнила эту сцену, хотя последующие драматические события вполне могли вытеснить ее из головы: отдаленный шум уличного транспорта, мальчишка-газетчик кричит, как чайка, на улице под окнами, Найджел стоит у камина с видом вежливого внимания, которое ни на минуту ее не обмануло, и сэр Джон спокойно жестикулирует черенком трубки, излагая своим самым прозаическим тоном версию, которая в любых других устах показалась бы такой же невероятной, как сказки Шехерезады.

– Вот как обстоят дела, – заключил он. – Суть в том, что этот заговор уже в действии, а у нас мало материала для анализа и нет времени для проникновения в ряды заговорщиков.

Тяжело ступая, сэр Джон подошел к камину и выбил трубку.

Джорджия заставила себя осознать смысл его слов. У нее возникло странное ощущение, будто они только что пережили землетрясение, которое снесло стены дома, повалило все строения вокруг, предоставив ей взирать на разгромленный, незнакомый вид. Подобно шагам команды спасателей, фразы сэра Джона глухо и мрачно отдавались в голове Джорджии. Даже теперь приходилось прилагать усилие, чтобы осмыслить их. Всеобщие выборы не за горами. К власти приходит правительство, сформированное из представителей всех партий, оно отменит политику умиротворения, выступит против европейских диктаторов. Растущее в народе Британии недовольство против навязываемых обманом и угрозами концессий. И, с другой стороны, заговор, составленный в стране друзьями фашизма, чтобы дискредитировать это правительство и свергнуть его силой – последний, отчаянный удар тех, кто понимает, что будущее ускользает из их рук.

– Вы хотите сказать, что майор Кестон один из них? – тихо спросила Джорджия.

– К этому я подойду через минуту. Мой отдел и Секретная служба уже идут по следу подпольного движения. Но нам сильно мешают. Прежде всего за ним стоят некие денежные мешки – так же, как во Франции за «Cagoulards» стояли богатые семьи. Мы не знаем, кого они могли подкупить в полиции, в армии, в государственной гражданской службе. Мы не знаем, – от рассудительного тона сэра Джона нервы Джорджии натянулись как струны, – кому мы можем доверять. Еще деталь – неизвестно, кто их главари. Мы вышли на нескольких второстепенных лиц, за ними ведут наблюдение, но пока они не привели нас к верхушке. Скажу вам откровенно, мы даже никого не подозреваем. Несколько месяцев назад, например, мы обнаружили склад оружия под пустым домом в Мейда-Вейле. Сначала решили, будто это остатки от бомбовых нападений ИРА в тридцать девятом году. Они и хотели, чтобы мы так решили. Последний владелец дома – мы его задержали – даже признался в этом, предоставив доказательства своего

членства в ИРА. Мы бы ничего и не заподозрили, если бы не выяснили, что бомбы немецкого производства, и если бы владелец дома не стремился с таким пылом признать свое участие в ИРА. Были и другие случаи. Они умные люди, великолепно организованные – их организация напоминает водонепроницаемые отсеки. Вы проникаете в один из них, но по-прежнему очень далеки от центра.

– Зачем вы все это мне рассказываете? – спросила Джорджия.

Сэр Джон поднял взгляд от трубки, которую раскуривал, – один из тех безмятежных, простодушных взглядов, благодаря которым он так ей нравился и благодаря которым словно бы превращал в наваждение все, что говорил.

– Вы когда-нибудь слышали об «Английском флаге»? – поинтересовался он явно не к месту.

– Нет. Английский флаг? Буквы «А» и «Ф», напечатанные на флаге, который мы нашли в медальоне?

– Проколотые в нем. «Английский флаг» – это странное полумистическое общество, которое широко действует в основном в сельских районах. Они верят в естественную аристократичность класса землевладельцев и, разумеется, принимают в свои ряды несколько избранных прихлебателей – егерей и им подобных, – чтобы придать организации более либеральный вид. Идея в том, – сухо добавил сэр Джон, – что они действительно лучшие люди в стране, а следовательно, должны ею править. Они довольно безвредны.

– Но если они безвредны...

– Суть в том, что они кутаются не только в таинственность, но и в мистицизм. Они тайная ассоциация – франкмасоны без фартуков и лож. А теперь подумайте: если вы захотите найти хорошее прикрытие для *опасной* секретной организации, что может быть лучше, чем организация *безвредная*. Возьмем контрабанду: двойное дно в ваших ящиках, которое легко обнаружить, – там ничего нет, отделяешься предупреждением, но под ним еще дно. Что, конечно, приводит нас к вашему военному приятелю.

– У майора Кестона двойное дно? – воскликнула Джорджия. – Или два двойных дна? У меня от вас уже голова идет кругом!

Сэр Джон улыбнулся:

– Майор Кестон – человек обиженный и обладающий значительным организаторским талантом. Как вы знаете, его вежливо уволили из индийской полиции. Он представляет собой как раз тот материал, который могут использовать солидные люди этого движения. Вероятно, они вполне искренни. Нет ничего проще, чем направить личную обиду в иное русло и рассматривать это как патриотизм.

Он немного виновато посмотрел на Джорджию: сэр Джон всегда огорчался, когда его ловили на обобщениях. Однако Джорджия заинтересовалась лишь истинностью произнесенных им слов.

– Я вполне это понимаю, – кивнула она. – Но есть ли у вас какие-нибудь доказательства связи?..

– Да. – Подобно своему племяннику, сэр Джон обладал способностью предугадывать доводы противоположной стороны. – Интересно, что картонный кружок, который вы обнаружили в медальоне – флаг с буквами «А» и «Ф» на нем, – не относится к символике «Английского флага». Мы внедрились несколько человек в «Английский флаг», желая проследить, чтобы те не натворили никакого зла, и я спросил о нем, когда Найджел приехал со своей историей. Они сообщили, что такого членского знака нет. Понимаете, в чем тут смысл? Это означает, что данный знак в ходу только в узком кругу «А.Ф.». Но если этот узкий круг столь же безвреден, как и остальная организация, почему рядовые члены о нем не знают?

– Для чего тогда эти кружочки?

– Предполагаю, что они являются средством распознавания, с помощью которого руководители этого заговора могут при необходимости объявить о себе своим подчиненным. Разумеется, это лишь версия. Но если один из кружков увидит посторонний человек, его владелец всегда может в крайнем случае объяснить его ссылкой на «Английский флаг». Это преимущество работы под прикрытием полусекретной организации.

– На мой взгляд, все это отдает какой-то дешевой театральщиной.

– Заговоры действительно театральны, моя дорогая, особенно подготовленные богатыми людьми, имеющими слишком много денег и свободного времени. Посмотрите на «Cagoulards», которые проводили свои совещания в белых капюшонах. Однако это необязательно мешает их эффективности. Жаль, что не мешает. Я сильно встревожен этим и не стыжусь в этом признаться.

– Уважаемый сэр Джон! Уверена, они встревожились бы гораздо больше, узнав, что вы сидите у них на хвосте. Но, честно говоря, я в них не верю. Какое, например, у вас доказательство, что майор Кестон ввозит контрабандой оружие?

– Спросите у Найджела. Он до этого додумался. Кстати, мальчик, дай мне что-нибудь выпить, у меня от разговоров в горле пересохло.

Найджел налил всем выпить. Во время рассказа он прошелся по комнате и поставил свой бокал на первый подвернувшийся предмет мебели в опасной близости от края. Джорджии так и не удалось привыкнуть к этой нервующей привычке мужа, однако тем вечером содержание истории отвлекло ее от возможного ущерба домашнему имуществу.

– Ключ к разгадке дали мне бродяги, – начал с необычной резкостью Найджел. – Очевидно, что майор занимался контрабандой. Но не станете же вы перевозить вещи – шелк, наркотики и так далее – в тяжелых ящиках. Это, предположительно, могло быть какое-то спиртное. Но если так, зачем вовлекать в это дело фальшивых бродяг? Почему бродяг? Вот что не давало спокойно спать моему любопытству. Как ты заметила, Джорджия, почему помощники майора не приехали на роскошных автомобилях? Или хотя бы на обычных? Тому было, естественно, лишь одно объяснение.

– Естественно, – передразнила Джорджия. – Не надо стоять и хитро смотреть на меня, будто я какая-то деревенская дурочка.

– Люди вырядились бродягами и тащились пешком всю дорогу до Ярнولدской фермы по одной простой причине – они местные жители, и в противном случае их могли легко узнать, а они не желали этого допустить. Никто бы не подумал, что местная верхушка с таким размахом занимается контрабандой спиртного; к сожалению, при нынешней политической ситуации их заподозрили бы в контрабанде оружия. Сомнений нет, их убедили, что следующее правительство будет ярко-красным, отберет все имущество и зарежет их в собственных постелях. Обличье бродяг обезопасило их во многих отношениях. При виде бродяги вам на ум приходят столбы на дороге, верно? Вы предполагаете, что этот человек бездомен и идет издалека.

– Но почему майор не мог открыто пригласить их на званый ужин в тот вечер?

– Если бы по дороге с партией оружия что-нибудь случилось, если бы возникли любые подозрения по части того ночного мероприятия – а вы знаете, с какой скоростью в деревне разносятся слухи, – все они попали бы в затруднительное положение. Кроме того, маскировка – вторая натура для того сорта людей в случаях, когда дело касается их респектабельности. Их совесть позволяет им предавать свою страну в белых капюшонах, но не в смокингах.

– Если они так боялись, что их узнают, почему не наняли грузчиков из какого-то другого места?

– Не так-то легко переправить группу чужаков в отдаленный район страны, не вызвав при этом пересудов. Строго говоря, это почти невозможно. Майор Кестон однажды уже проделал это, когда соорудил «пристройку» к своему дому, как назвал ее Гарри. Держу пари, пристройка эта состояла из мастерской и уютного подземелья – рабочим, вероятно, объяснили,

что это винный погреб, – в котором можно хранить оружие. Тут важно и то, что заговор децентрализован – разделен на водонепроницаемые отсеки, по выражению дяди Джона. Региональная группа Кестона, если мне будет позволено так называть маленькую организацию майора, выполняет свою задачу в известных пределах. Таким образом, при любой случайности ущерб будет ограничен только этим местом, и ниточка не потянется к другим центрам заговора.

– У них наверняка уйма денег, раз они выстроили тот дом и все остальное.

– Да. Это важный момент. Особых сомнений, откуда появилось «наследство» майора Кестона, нет. Ярнолдскую ферму выбрали из-за ее стратегического расположения – рядом с морем, вдали от другого жилья. Бухта Кэтоул – пустынное место, как и дюны над ней. Там легко выгрузить партию оружия, перенести его в грузовик могут те же люди, что его доставили, разгрузить – подручные майора. Если кто-нибудь увидит грузовик на дороге в бухту Кэтоул, водитель скажет, что утомился и свернул не туда с главной дороги. Но ночью – один шанс из тысячи, что до этого дойдет. Кстати, Джорджия, номерные знаки грузовика фальшивые, следовательно, в этом направлении мы никуда не продвинулись. Безусловно, медальон принадлежит одному из главарей заговора, который приезжал в прошлом году на Ярнолдскую ферму, чтобы все организовать, и яркую вещицу каким-то образом утащила сорока. Может, тот человек загорал. Интересно, не даст ли это нам зацепку? – мечтательно проговорил Найджел.

– Проще всего взять группу вооруженных людей и взломать подвал майора, – заметила Джорджия.

– Нет-нет! – возразил сэр Джон. – Я пока не намерен их настораживать. Хочу лишь заставить прекратить выгрузку оружия.

– Как вы предлагаете это сделать? Заминировать бухту Кэтоул?

Глаза сэра Джона сверкнули.

– Ну в подобных радикальных мерах нужды нет. Я намекнул Джимми Блэру – вы знаете этого парня, он ведет колонку «Мои знакомые привидения» в «Дейли пост». Он напишет о призраке Ярнолдского перекрестка, а это привлечет на ферму толпы туристов и исследователей паранормальных явлений. Заговорщикам придется убрать своего часового, пока все это не уляжется. А к тому времени...

Сэр Джон замолчал. Джорджия ощутила, что в воздухе повисла какая-то напряженность. Найджел и его дядя старательно избегали смотреть друг на друга. «Они похожи на двух мальчишек, – подумала она, – которым известна позорная тайна». Они словно хотят сыграть с ней, Джорджией, некую шутку, но не знают, как она ее воспримет. Однако когда сэр Джон заговорил снова, его слова показались вполне безобидными.

– Настоящая проблема заключается в том, чтобы выяснить, кто является руководителями этого движения. Мелкая сошка нас пока не интересует. У молодого Найджела есть идея.

– Разумеется, это чисто теоретически, – произнес Найджел. – При условии, что это движение намеревается установить в Британии некую диктатуру. Итак, чего народ Британии не потерпит, так это диктатуры заурядных политиков. Не сомневаюсь, что заговорщики хотят вызвать кризис, беззаконие, кровопролитие и все остальное, чтобы оправдать появление у кормила власти сильной руки. Мы перестанем подчиняться ей, как только кризис будет преодолен, если только тот человек не будет популярным – не как политик, а как, скажем, свой парень. В стране есть люди, захватившие народное воображение, – англичане по-прежнему втайне симпатизируют приукрашенному образу известного авантюриста, мы ведь все-таки потомки Фрэнсиса Дрейка. Если заговорщики умны, то выберут человека, который сможет сыграть на романтизме англичан и на их склонности обожествлять героев.

– Да, – пробормотала Джорджия, – в этом что-то есть. Вдохновенный любитель. Довестись скорее любителю, чем профессионалу – одна из черт нашего национального романтизма. Но как мы его найдем?

Напряжение снова возросло. Найджел вертел в руках черную деревянную лошадку, которую Джорджия привезла из Африки. Сэр Джон набивал трубку с такой тщательностью, будто заполнял официальные бумаги. Наконец он поднял голову и отрывисто проговорил:

– Нам нужна ваша помощь, моя дорогая.

– Моя? Но я не... А почему не Найджел?

Сэр Джон продолжил:

– Из нас только вы, не считая Найджела, видели фотографию в медальоне, и этот снимок – единственная зацепка. Вы вхожи в модное общество, а центр нашего движения мы должны искать среди богатых семей. Кроме того, буду весьма откровенен с вами, вы сами немного легенда нашей страны, следовательно, данное движение радо будет использовать вас, а в равной мере вы станете великолепной пропагандой против него, когда настанет время решающей схватки.

– «Заговор раскрыт знаменитой женщиной-исследователем!» Боже, вот это заголовок! – воскликнул Найджел.

Сэр Джон раздраженно отмахнулся от него:

– Причина, по которой Найджела приходится держать в стороне, очевидна. Он мой племянник, и его связь с полицией известна. Поэтому майор Кестон и проявил такое любопытство. Найджелу они никогда не поверят.

– То же справедливо и в отношении меня. Ведь я же замужем за Найджелом, не так ли?

– Суть в том, – спокойно сказал сэр Джон, попыхивая трубкой, – что вы не будете замужем. Устройте развод – не настоящий, конечно. Просто намекните журналистам-сплетникам, будто вы решили расстаться, а они довершат остальное.

«Так вот в чем дело, – думала онемевшая от удивления и возмущения Джорджия. – Вот, значит, к чему ведет их маленькая игра!»

– Я правильно поняла? – спросила она, когда к ней наконец вернулся дар речи. – У вас хватает наглости предложить, чтобы я рассталась с Найджелом, вызвала скандал, не видела бы мужа много месяцев, а сама тем временем занималась бы охотой на неизвестного человека, который, возможно, и существует-то лишь в вашем воспаленном воображении? Вы просите меня...

– Я прошу вас сделать это ради Англии.

Голос сэра Джона прозвучал так же ровно, как если бы он попросил ее сходить и купить ему пакет ершиков для чистки трубки, и это придало его фразе убедительность. «Черт бы его побрал, – думала Джорджия, – как ему удастся повернуть дело так, что мне трудно отказаться? Если бы он пытался уговорить меня или втянуть в данное предприятие обманом, или сказал бы еще хоть слово об Англии, моей Англии, я бы легко с ним справилась. Но вот он просто сидит с видом встревоженного человека и формулирует это в виде делового предложения».

Джорджия порывисто обернулась к Найджелу. Он стоял, прислонившись к каминной полке, и улыбался. Она должна была понять, что муж не попытается повлиять на нее тем или иным путем. На мгновение сердце Джорджии восстало против этого: неужели он хотя бы раз не может принять решение за нее? Нет, это было не в его привычках... Да и не в ее.

Сэр Джон подозвал Джорджию к окну. Обняв ее за плечи одной рукой, другой он показал на улицу. Был час пик. В ста ярдах от себя Джорджия видела толпы людей, торопившихся домой по одной из городских магистралей. Машинистки, продавщицы, конторские служащие, уставшие, однако сохранявшие величавую, размеренную походку. Она догадалась, что должна там увидеть, по мнению сэра Джона. Его слова эхом откликнулись на то, что подсказывало ей собственное сердце.

– Посмотрите на них, – тихо произнес он. Так он мог попросить Джорджию полюбоваться розами. – Они не так уж плохи, не правда ли? Глупые, тщеславные, дерзкие, невежественные, вульгарные – некоторые из них. Но они обладают собственным достоинством, верно? У них

есть молодость, независимость и отвага. Они – это Англия. А вам известно, что говорит другая сторона: «Женщина – это отдых для воина», «Место женщины на кухне» и остальную первобытную чушь. Однако так и произойдет. Молодой человек не встретит ее сегодня вечером у кинотеатра. У него свидание с садисткой-штурмовиком в концентрационном лагере. Она уже будет ему не интересна. – Сэр Джон стиснул плечо Джорджии и опустил руку. – Вы не можете позволить этому случиться, – добавил он.

– Но я тоже не могу это остановить, – возразила она. – Это не моя роль. Вы просите слишком много. Я...

– Что ж, обдумайте мое предложение. День или два. А пока – до свидания.

Сэр Джон взял шляпу и трубку и вышел, прежде чем Джорджия успела сказать хоть слово. Да вряд ли у нее и нашлось бы сейчас нужное слово. С уходом сэра Джона, присутствие которого успокаивало и ободряло, вся эта история показалась более гротескной, однако каким-то образом еще и неизбежной, как бред сумасшедшего.

– Найджел, – сказала она, быстро подходя к мужу и беря его за руку, – что мне делать?

– Я бы согласился. Это ненадолго. Оно того стоит.

Но даже теперь Джорджия не могла принять окончательного решения.

– Зачем тебе понадобилось затевать все это, когда я уже готовилась к тихой, уютной старости? – спросила она, стараясь говорить бесстрашно.

Глава 4. Влюбленный игрок в крикет

У Джорджии имелась привычка уходить на долгую прогулку перед принятием важного решения. Хотя она была в высшей степени цивилизованной дамой, а возможно, как раз поэтому, она считала, что в итоге решения следует принимать – женщинам, по крайней мере, – руководствуясь интуицией. Разум может и обязан обеспечить данные, ясно обозначить «за» и «против», но нечто более глубинное должно сделать выбор, утвердить его и осуществить принятое решение. Найджел называл это своего рода моральной трусостью – благовидным предложением для отказа принимать решение. Джорджия отчасти признавала это, однако на опыте убедилась, что интуиция редко подводит. Поэтому она шла и шла, пока воюющие доводы разума не истощались настолько, чтобы прекратить сражение, и когда они удалялись с поля боя, у Джорджии в голове складывалась четкая картина действий.

На следующий день после визита сэра Джона Стрейнджуэйса Джорджия, в старом твидовом пальто, без шляпы, направилась на автобусную остановку, доехала до набережной Виктории и двинулась на восток вдоль Темзы. Морской бриз нежно шевелил ее темные волосы. От реки поднимался острый запах моря. Темза простиралась вдаль – мимо затопляемых приливом участков берега и товарных складов, – к морю, а за ним находилось множество стран, известных Джорджии. Редкие встречные пешеходы бросали любопытные взгляды на маленькую гибкую фигурку, шагавшую с видом такой обособленности, будто она была одна в пустыне и не видела перед собой ничего, кроме горизонта. Они вспоминали, миновав ее, что лицо этой женщины – несмотря на недостаток традиционной красоты, – было до странности привлекательным.

Отлив словно тянул за собой и Джорджию, унося ее сердце в дальние края, как это всегда бывало. Однако вскоре возникли мысли о делах насущных, когда она свернула прочь от реки и начала пробираться по улицам Ист-Энда. Здесь со всех сторон наступала откровенная бедность. Окаймленные зеленью холмы Девона и эти невзрачные оживленные улицы были, каждая в своем роде, частью страны, которую Джорджия любила – любила теперь с обостренным осознанием и как путешественница, повидавшая много красот, и как человек, который по возвращении домой узнает, что его любимым местам угрожает коварный и жестокий враг.

Этим утром, наложившись на уличные сценки – яркие разноцветные тележки торговцев, неряшливые лавчонки, суету и оживление толпы, – возникли иные образы: неестественные и смутные незваные гости, словно при проявлении обычной фотографии обнаружился среди стульев и столов призрак. Рядом с застывшими в испуге домами Джорджии чудились молчаливые часовые в ботинках штурмовиков; люди, которые, ползая на коленях, оттирали тротуары; дети, изгнанные со знакомых игровых площадок; слышался шепоток осведомителя в кафе. Женщина будто ощущала страх и подозрение – все привычные ухищрения современной тирании.

«Но что могу сделать я? Почему сэр Джон выбрал меня для такого дела? Меня ждет полный провал. И разлука с Найджелом. “Это ненадолго”. Легко сказать. Найджел не понимает, он по-прежнему считает, что я самодостаточна – кошка, гуляющая сама по себе. Такой я была до встречи с ним. Я не увижу, как в саду вырастут бледно-желтые нарциссы, которые я посадила в прошлом году. Однако есть гораздо более важные вещи, чем цветы. Да, я знаю, но... И сэр Джон так убедителен и основателен. Устроит этот мнимый развод во всех мучительных, мелких деталях, настолько тщательно, что он вполне покажется настоящим. Но знаешь, моя девочка, втайне тебе не терпится попробовать побороться с этим “Английским флагом”, или кто уж они там есть, окунуться в еще одно приключение, твое последнее приключение, а затем – почетный отдых. Приключение? Чувь! Вероятно, не будет ничего более страшного, чем следить за жалкими иностранцами в кафе “Лайонз”, болтать в дорогах и скучных гостиных».

И так снова и снова. Джорджия пошла быстрее, пока не утомилась настолько, что у нее не осталось сил даже для этих поверхностных мыслей. Вернувшись к обеду домой и приняв телефонный звонок от Элисон Гроув, она не сознавала, как скоро решение действительно будет принято за нее.

– Да, дорогая, я поеду, – сказала она. – В вечернем платье? А Найджел? Всего лишь девичник? Очень хорошо.

Элисон Гроув была и подругой Джорджии, и причиной ее отчаяния. Эта изящная, как статуэтка, блондинка, которая имела автомобиль, снимала квартиру с гостиничным обслуживанием и всегда была идеально одета, не располагая другими очевидными средствами к существованию, кроме своей зарплаты журналистки светской хроники, жила, по мнению Джорджии, жизнью совершенно непостижимой для женщины стольких талантов.

– Но ведь на самом деле ты не получаешь удовольствия от всех этих дурацких вечеринок и приемов, на которые ходишь? – спросила Джорджия.

И бирюзово-голубые глаза Элисон показались еще более невинными, когда она ответила:

– Ну понимаешь, я домашняя девочка, дорогая. И подумай о поживе. Ведь я бабочка, которая топнула ногой³.

– Топнула ногой на что?

– Да на всех остальных бабочек, разумеется.

Что было совершенно справедливо. Безусловно, блестящая журналистка Элисон была незаменима для «Дейли пост», поскольку эта напористая молодая газета поддерживала свой огромный тираж за счет того, что попеременно то держала язык за зубами, то показывала его знаменитостям дня. Колонка сплетен, которую вела Элисон, – «Птичка нашептала...» – мастерски сочетала снобизм и скрытую насмешку. Хозяйки светских салонов, обладавшие достаточно хорошим чутьем, чтобы уловить эту слабую, насмешливую нотку, поначалу жаловались на Элисон редактору, затем пытались исключить ее из своего круга. Однако скоро они раскаялись, обнаружив, что эта веселая маленькая бабочка обладает острейшим жалом. После ее рассказа о предстоящем бале в честь дочери герцогини Спекской – церемонии, на которую по строжайшему приказу высокородной дамы журналистку не должны были допустить, – общество решило принять Элисон Гроув на ее условиях. Несмотря на все это, Джорджия по-прежнему придерживалась мнения, что ее подруга попусту растрчивает свои таланты.

Элисон появилась в шесть часов. Под распахнутым пальто виднелось великолепное белое, облегающее фигуру платье, которое словно родилось вместе с ней.

– Дорогая, – вздохнула Джорджия, – в твоём присутствии я всегда кажусь себе одетой с благотворительного базара.

– Скорее с восточного базара, – усмехнулась Элисон, щупая складки надетого подругой платья из тафты в яркую полоску. – Нет, ты меня превзошла. Ты – природа, я же – всего лишь искусство. «Природу я люблю, искусство – вслед за ней». Идем, а то опоздаем.

– Куда мы едем? – спросила Джорджия, когда они уселись в маленький автомобиль Элисон и помчались на запад в сторону объездной дороги.

– Ну, это нечто вроде аристократического клуба. Весьма снобистского. На Темзе. Уверена, тамошняя атмосфера будет тебе интересна. Кстати, давай воздержимся от вежливой женской борьбы по поводу того, кто оплатит счет. Платит заведение. Я о них пишу, а они в ответ подают самую изысканную еду.

– Какая же ты паразитка, дорогая!

– Я выполняю свои обязательства. Ты тоже. «В роскошном аристократическом клубе «Теймфорд», самом модном на сегодняшний день заведении, я заметила Джорджию Стрейн-

³ Отсылка к сказке Р. Киплинга.

джуэйс. Знаменитая исследовательница была одета, разумеется, в экзотическую полосатую тафту».

– Если бы ты не истратила целое состояние на свою укладку, я растрепала бы тебе волосы.

– А ты не изменилась, девчонка-сорванец! – Смех Элисон, негромкий и, как ее фигура, хрупкий, зазвенел, подобно японским стеклянным колокольчикам. – В любом случае я ничего не тратила. Я заплатила Дженис за укладку натурой – лестным абзацем о ее салоне красоты. У меня хорошая работа, если приспособиться.

– Тебя надо вывести на чистую воду.

– Ой ладно, у нас у всех есть маленькие секреты, не так ли?

«Маленькие секреты! Если бы Элисон знала, что у меня на уме, она в обморок упала бы – хрупкая малышка. Ну возможно, не такая уж и хрупкая. Но странно думать о нас режвящихся именно сейчас – бабочки, порхающие над кратером вулкана. Завтра, полагаю, я должна буду принять решение. А сегодня вечером мы устроим такое шумное веселье, какое сможет обеспечить этот ужасный клуб...»

Однако слова «шумное веселье» как-то не вязались с клубом «Теймфорд», решила Джорджия, когда через полчаса машина подъехала к его внушительному входу. Свет прожекторов, заливавший ослепительной белизной георгианский фасад, казался не столько сиянием славы, сколько знаком уважения национальному памятнику и его архитектуре. Сложенное из красного кирпича, солидное, однако поражающее исключительной чистотой и стройностью линий здание с достоинством дремало, словно его вызвали к наследникам и признали подходящим.

– Безобразие, – пробормотала Джорджия, когда они вышли из автомобиля.

– Что за безобразие?

– Использовать эту... роскошную оболочку для сборищ богатых бездельников на «Бентли».

– Тихо! Мне же надо как-то зарабатывать на жизнь, – прошептала Элисон. – И потом, ты еще не видела интерьер. Кто знает, что может скрываться в скорлупе?

Двери открыл лакей в парике. Вероятно, именно в этот момент Джорджия ощутила первый укол беспокойства. Впоследствии она думала, что виной тому был, наверно, контраст между просторным холлом, сдержанной бело-зеленой отделкой времен Регентства, лестницей, которая поднималась вверх таким изящным изгибом, будто плыла в воздухе, и волной духоты, ударившей им в лицо. Жара эта была влажная, пропитанная запахом духов, – они словно попали в оранжерею.

Подруги вошли в салон. Ковер под их ногами пружинил, как мох. Здесь, за маленькими столиками, в рассеянном свете настенных ламп несколько человек пили аперитивы. Свет и голоса были одинаково сдержанными, точно приглушенными атмосферой этого помещения прекрасных пропорций, в котором ощущалось дыхание более старой, более уверенной в себе цивилизации.

– У меня скоро начнутся судороги, – пожаловалась Джорджия, потягивая херес. – Духота и жара всегда действуют мне на нервы. Почему бы им не превратить это место в котел?

– Тихо, моя дорогая. В твою жизнь входит темная женщина.

Джорджия подняла голову. Дверь открылась, и вошла дама. Владелица клуба, предположила Джорджия, хотя сидевших в салоне гостей хозяйка приветствовала наклоном головы с величавостью, намекавшей, что это она, а не прибывшие оказали честь своим присутствием здесь. Женщина была весьма статной в своем черном кружевном платье. Однако внимание Джорджии быстро переключилось на следовавшего за ней мужчину. Он выглядел очень старым. У него было узкое, изнуренное, пергаментное лицо испанского гранда – из тех лиц, на которых живут, кажется, одни глаза, что горят высокомерием из-под тяжелых век или вдруг словно подергиваются пленкой, как у ящерицы. Джорджия отметила, что в этом жарком, как теплица, доме мужчина идет в накинутой на плечи клетчатой шали.

Вскоре эта странная пара приблизилась к их столику. Джорджия почувствовала, что ей подобало бы склониться в глубоком реверансе. Она сознавала, что подернутые поволокой глаза старика устремлены на нее. Вероятно, он слепой и воспринимает ее каким-то шестым чувством.

– Я очень рада, что вы смогли приехать, мисс Гроув, – произнесла владелица клуба.

Ее голос был каким-то ненатуральным: за его богатыми, утонченными модуляциями скрывалась нотка фальши или вульгарности. Демонстрируя свои лучшие манеры, Элисон представила их друг другу:

– Мадам Альварес, наша хозяйка. Моя подруга, миссис Стрейнджжуйс.

– Рада видеть вас, – кивнула женщина. – Позвольте представить моего мужа, дона Альвареса.

Будто притянутый за ниточку, старик приблизился, взял руку Джорджии и поднес к губам. Джорджия с трудом сдержала дрожь отвращения, поскольку его ладонь оказалась сухой, тонкой и холодной, как у ящерицы.

– Сегодня вечером вы увидите здесь весьма интересных людей, мисс Гроув, – продолжила хозяйка. – Не считая вашей гостьи, разумеется. – Она наклонилась, и сразу же голова старика качнулась на тощей, черепашьей шее. – Испанский посол везет свою компанию. Мы ожидаем мистера Лиминга – банкира, вы знаете. И, полагаю, приедет леди Малкасл. Надеюсь, наше заведение вам нравится, миссис Стрейнджжуйс, – та его часть, которую вы уже увидели?

– О да, оно очаровательно. – И неожиданно Джорджия добавила: – Однако ужасно жарко, вы не находите?

В свое время ее знаменитая прямота разнесла вдребезги много масок, но на двух людей, стоявших перед ней, она не произвела никакого впечатления.

– Мой муж плохо переносит холод. Он еще не привык к нашему климату, – объяснила женщина.

После нескольких минут натянутой беседы мадам Альварес удалилась. Старик, не проронивший до сих пор ни слова, внезапно улыбнулся Джорджии – улыбка исказила его лицо, будто слишком туго натянули пергамент, – и проследовал за своей женой.

– Боже милостивый! – воскликнула Джорджия, когда пара покинула комнату. – Что это за уродливая старая марионетка?

Элисон захихикала:

– Я же говорила тебе, что атмосфера тут интересная. Он – владелец. Или я должна сказать – муж владелицы? Он потерял свои поместья в Испании. Во всяком случае так говорят, и это объяснение не хуже любого другого. Как тебе мадам?

– Смесь Севильи и Сербитона⁴, – язвительно отозвалась Джорджия. – Она выглядит недовольной, несмотря на свои якобы благородные манеры.

– И ты будешь вести себя так же, если выйдешь замуж за самую старую черепаху в зоопарке. Тем не менее нас ждут свои утешения. Вероятно, сегодня сюда заглянет Питер.

– Кто он такой?

– Питер Бретуэйт.

– Никогда о нем не слышала.

Бирюзовые глаза Элисон округлились.

– Моя дорогая! Ты не читаешь газет? Питер Бретуэйт – главная опора Англии в предстоящей борьбе, блистательный молодой Д'Артаньян крытых стадионов, Мекка школьников, охотящихся за автографами...

– Объясни, о ком ты говоришь?

⁴ Сербитон – деревня, включенная в состав Лондона только в 1894 году. Джорджия намекает на вульгарность манер мадам Альварес при внешнем подражании испанской знати.

– О Питере Бретуэйте. Игроке в крикет. Английском бэтсмене⁵.

– Ясно, – кивнула Джорджия, чувствуя себя разочарованной. – По-моему, я о нем что-то слышала. Он вроде любитель.

– Нет, Питер профессионал. Но пусть это тебя не огорчает. Он один из основных моих любимцев.

– Профессионал? Что он тогда делает в этой престижной дыре?

– Понимаешь, его приняли, – туманно ответила Элисон.

Повлияла ли на ее нервы духота или сказала долгая утренняя прогулка, но все чувства Джорджии необычайно обострились. Еда за ужином была великолепной, а старший официант, без сомнения, проинформированный о цели пребывания здесь Элисон, – весьма внимательный. Однако было в этом клубе что-то неуловимое для Джорджии. Его атмосфера подавляла. Большинство гостей – трудно было подобрать другое слово к постоянным клиентам царственной мадам Альварес – относились к обычной беспокойной публике, ищущей удовольствий; но было несколько таких, кого Джорджия не могла отнести ни к какой категории. Например, лысый мужчина, который сидел в одиночестве за столиком в углу, чей внимательный взгляд она периодически ловила на себе. Наверняка она уже где-то видела этого человека раньше. Среди всех этих гладких, пустых лиц он выделялся, как живой человек в музее восковых фигур. Были и другие: люди, кого Джорджия не ожидала встретить в такой привилегированной компании. Она уже собралась отпустить по этому поводу замечание, когда Элисон кивнула в сторону двери и сказала:

– Вон Питер.

Популярный игрок в крикет оказался не совсем таким, каким представляла Джорджия. Коренастый, львиная грива волос, широкое лицо, казавшееся мальчишеским и энергичным, ни малейшего признака избалованности. Проходя мимо их столика, он улыбнулся Элисон, и Джорджия ощутила воздействие его обаяния, как удар электрическим током. Она почувствовала присутствие природного магнетизма. Несмотря на несколько приветственно поднятых рук, Питер Бретуэйт сел за столик в одиночестве.

– Разве он не милый? – спросила Элисон.

– Он совершенно очевидно живой, чего нельзя сказать о большинстве... Кстати, а кто это вон там?

Джорджия указала на лысого мужчину, который теперь рассеянно писал что-то на обороте меню. Элисон его не знала. И поинтересовалась у старшего официанта.

– Это профессор Стил, мадам, – подсказал тот. – Профессор Харгривз Стил.

«Боже! – подумала Джорджия. – Неудивительно, что его лицо показалось мне знакомым. Оно достаточно часто появляется в прессе». Харгривз Стил был одним из выдающихся ученых, эксперт по тропическим болезням, который также написал несколько учебников. Из-за известности, которой он пользовался, ученое сообщество склонно было считать его отчасти шарлатаном. Однако, учитывая достижения Стила, затруднительно было придерживаться подобного мнения. Снова взглянув на прославленного ученого, Джорджия увидела, что он ставит карточку меню уголком на ноготь большого пальца и вращает, как волчок, – губы поджаты с шаловливой сосредоточенностью. С тем же выражением лица он проделал этот трюк с блюдцем, стаканом воды, шестипенсовиком и надломленной спичкой. Казалось, Стил совершенно не замечал окружающих людей, и действительно, никто, кроме Джорджии, не проявлял к нему ни малейшего интереса. А жаль, подумала она, потому что прежде не видела такой ловкости рук.

Снова поймав на себе взгляд ученого, Джорджия опустила голову. И вскоре обратила свой взор на Питера Бретуэйта. На сей раз она испытала шок совсем иного рода. Сначала Джор-

⁵ Игрок, отбивающий мяч; игрок с битой.

джия подумала, что молодой человек, верно, пьян, но сообразила, что для этого он еще недостаточно долго здесь пробыл. Рот у него приоткрылся, он сжал руками стол, взгляд остекленел, как у... что же это могло быть, если не самая безумная влюбленность? Джорджии стало неприятно при виде перемены, произошедшей с этим оживленным, своеобразным лицом; ей стало еще противнее, когда она поняла, что смотрит крикетист, так недвусмысленно себя выдавая, на мадам Альварес.

Эта женщина величаво переходила от столика к столику, осведомляясь у гостей, всем ли они довольны. Муж больше не сопровождал ее. Джорджия заметила, как другие гости обменялись лукавыми усмешками, когда мадам Альварес приблизилась к столику спортсмена, и он пригласил ее сесть на свободный стул. В умоляющем взгляде Питера и в полуигривом-полу-собственническом ответе этой напыщенной дамы было нечто, что испортило Джорджии весь вечер. Тем не менее она сама была женщиной, а значит, не могла не поддастся желанию узнать, что же такое в мадам Альварес влекло к ней этого молодого человека. Она лет на двадцать старше. Красота, как и голос и царственный вид, наверняка была ненатуральной. Джорджия представляла, как под воздействием страха или гнева с хозяйки клуба спадает маска, обнажая личность совершенно заурядную. Эти морщинки недовольства, опущенные уголки губ довольно просто объясняли ее поведение. Но какое объяснение могло быть у Питера Бретуэйта? А Элисон обычно не ошибается в своих суждениях.

– Это, по-моему, слишком. Не правда ли, дорогая? – прошептала Джорджия. – Я не одобряю похищения младенцев.

Элисон посмотрела на нее широко раскрытыми, невинными глазами.

– Я же сказала, что у нас будут свои утешения. Бедный Питер, уж он-то всю наслаждается.

– Но что он в ней находит?

– Тайну. Тайну женственности. Или, возможно, он просто добросердечный малый.

Однако подруга крепко сжимала свою золотистую театральную сумочку, отметила Джорджия. Значит, есть какие-то вещи, которые даже Элисон переносит с трудом. Что ж, если Питер Бретуэйт предпочтет эту стареющую фальшивую мадам красавице Элисон, он заслуживает того, что его ожидает.

Джорджия с радостью восприняла предложение подруги выпить кофе в салоне. Позабыл ее еще и переполох, который вызвало появление там Элисон. Честолюбцы, еще не удостоившиеся весьма сомнительного отличия в виде упоминания в ее колонке, более или менее открыто состязались за внимание журналистки. Родившиеся на вершине социальной лестницы обращались с ней с настороженной учтивостью. Сама Элисон порхала, как бабочка, от группы к группе, щебетала в своей неподражаемой манере, слушала, очаровательно наклонив голову, отчего мужчины думали – обманутые бедняжки, – какая же она умная и милая. И только когда они сели за бридж, Джорджия осознала, что веселость подруги этим вечером не вполне натуральная. На ее взгляд, играла Элисон из рук вон плохо и после двух робберов отказалась от дальнейшего участия в партии.

Джорджия тоже решила, что с нее довольно. Также ей хотелось познакомиться с профессором Харгривзом Стилом, безусловно, казавшимся здесь самым интересным посетителем. Но ни в одном из помещений нижнего этажа профессора найти не удалось. Джорджия одна поднялась наверх, восхищаясь прекрасными пропорциями лестницы и площадки, изящной лепниной на стенах. Она снова почувствовала беспокойство. Действующая на нервы жара, едва уловимая тревожность в атмосфере этого места... За дверь, выходящей на площадку лестницы, Джорджия услышала голоса. Полагая, что это еще одна комната для гостей, она едва не шагнула туда, когда сообразила, что голоса принадлежат мадам Альварес и Питеру Бретуэйту.

– ...Нет, глупый вы мальчишка, я не стану. Вы слишком молоды. Кроме того, вы не можете позволить себе потерять деньги.

– Я могу выиграть. Я знаю, что выиграю. Мне всегда везет в игре. И в любви. В противном случае я не встретил бы вас, не так ли?

– Дорогой Питер! Но я вас не пущу. Я... я не смею.

– Ну, вы можете хотя бы позволить мне взглянуть. Я никогда не видел рулетки...

– Тихо! Вам даже не полагается знать...

«Так вот в чем дело, – с отвращением подумала Джорджия, отходя от двери. – Вот для чего это место. Устроенный со всеми предосторожностями шикарный игорный притон. Вероятно, там-то и исчез профессор».

Джорджия ощутила разочарование. Однако ключевой момент вечера еще был впереди. Когда через полчаса они сели в автомобиль Элисон и уже собрались уезжать, в окошко водителя просунул голову Питер Бретуэйт.

– Вы забыли это, – произнес он, протягивая Элисон ее перчатки. Затем тихо добавил: – Пока не повезло.

Джорджия непроизвольно воскликнула:

– Нет, глупый вы мальчишка! Вы слишком молоды!

В тусклом свете приборной доски стало заметно удивление на лице Питера Бретуэйта, но ни следа замешательства. Он сверкнул глазами в сторону Джорджии, вздернул подбородок и весело рассмеялся:

– Bravo, миссис Стрейнджуэйс! Что ж, вы хорошо подаете мяч. Доброй ночи.

– Какой странный молодой человек, – усмехнулась Джорджия. – Что он имел в виду?

Они проехали полмили, потом Элисон остановила машину и произнесла:

– Питер – блестящий актер. Сейчас ему иначе нельзя.

– Не понимаю. Ты хочешь сказать, что он... не влюблен в эту ужасную Альварес?

– Разумеется, нет.

– Но... но к чему все это?

Элисон какое-то время молчала. Наконец, накрыв руку Джорджии ладонью, она продолжила:

– Вчера вечером у тебя состоялся разговор с сэром Джоном Стрейнджуэйсом. Нет, все нормально, не тревожься. Мы с Питером на него работаем. Мы работаем на него сегодня вечером.

Джорджия тарасилась на нее, не веря своим ушам. Если бы она угадала победителя на скачках... Если бы Найджел признался ей, что он тайный наркоман... Если бы грянула сама труба Судного дня... Джорджия не была бы так ошеломлена, как этим невероятным признанием. Элисон! Веселая, хрупкая, изысканная Элисон! И Питер Бретуэйт, игрок в крикет международного класса! Вскоре она обрела дар речи и выдала сочное и отнюдь не подобающее леди ругательство.

– Ах ты, лицемерная кошка! С виду просто яркая колибри, но...

– Сейчас я не могу быть обеими! – зазвучал похожий на стеклянный перезвон смех Элисон. – Я же говорила тебе, что у журналистки светской хроники есть свои преимущества в работе. По крохам можно собрать очень многое. Поэтому сэр Джон и выбрал меня для этой работы.

– Хватит паясничать. Ты хочешь сказать, что этот клуб...

– Да. Мы подозревали, что это место использовалось как прикрытие людьми, стоявшими за движением «А.Ф.». Они умны. Их защита имеет три слоя, так сказать. Снаружи данное заведение – сплошной шик и респектабельность. Но среди завсегдатаев исподтишка распространяют слух, что в клубе действует рулетка. Все это, конечно, весьма неопределенно. Ничего не подозревающие посетители не осмеливаются передавать этот слух дальше из страха быть обвиненными в клевете. Если один из них захочет попытать счастья в игре, Альваресы заявят ему, умело изобразив праведный гнев, что он пришел не по адресу. В то же время это дает

настоящим заговорщикам возможность для тайных встреч – в атмосфере секретности. Пони- маешь, такова их тактика: использовать не особо тяжкие противозаконные действия для при- крытия откровенной измены. Опытные дельцы. Рулетка – лишь подачка Церберу. Питер уже довел мадам до признания, что там играют в рулетку. Мадам Альварес – слабое звено в цепи, и мы изо всех сил на него ждем.

– Но откуда вы знаете, что это не просто рулетка?

– Они играют по самым высоким ставкам, не сомневайся. Тебе придется поверить мне на слово. Однако доказательств у нас пока нет.

Несколько минут Джорджия сидела молча, анализируя услышанное. Вскоре она прямо спросила:

– Зачем ты привезла меня туда сегодня?

Крепче сжав запястье Джорджии, Элисон произнесла:

– Эта женщина вызывает у Питера омерзение. От одного прикосновения к ней его тош- нит. Но он готов с этим мириться. Идти до конца, если потребуется. Ты понимаешь?

– Да. Полагаю, это была идея сэра Джона, коварного старого змея. Что ж, думаю, я все равно ответила бы согласием.

– Умница.

Подруга прибавила скорость, и они помчались в направлении Лондона.

Глава 5. Два притворщика

Когда на следующее утро Джорджия проснулась, ей показалось, будто вся эта странная история с клубом «Теймфорд» ей просто привиделась. Следующие недели тоже походили на сон, но на тот, в котором слабое, неустойчивое ощущение нереальности вносит разлад в логическую последовательность образов. В такие моменты, хотя они и тревожили, Джорджия мало чувствовала суть происходящего и не опасалась за будущее. Даже ее разлука с Найджелом была не так болезненна, как она ожидала. Сэр Джон позаботился и об этом.

– Приходится все делать тщательно, – сказал он. – Если у них возникнет хотя бы малейшее подозрение в подлинности событий, у вас не будет ни малейшего шанса проникнуть в их движение. Более того, – добавил он с бодрым видом помощника садовника, дающего совет любителю, – вы подвергнете себя и мужа чрезвычайной опасности.

Планирование деталей «развода» настолько их захватило, что они проанализировали каждый шаг, каждую мельчайшую подробность, словно расставались по-настоящему. Поначалу иллюзия реальности была настолько убедительна, что Джорджии приходилось напоминать себе, что это лишь понарошку. Однако вскоре она поддалась этой иллюзии, сообразив, что так ее поведение будет более понятным для любопытных.

– До свидания, любимая. Береги себя, – произнес Найджел в их последний вечер, проведенный вместе.

Джорджия заставила себя сесть в кресло. Похоже, иного способа справиться с искушением стоять у окна и смотреть, как мужа увозит такси, не было. А так нельзя. Она не должна позволить даже самой себе заподозрить, насколько ее ранит их разлука; у нее есть своя роль. Кроме того, никогда не знаешь, не следят ли за тобой.

Найджел писал ей из коттеджа умоляющие письма. Не изменит ли она своего решения, несмотря на все, что случилось? Наверняка ее решение оставить его не окончательно? «Вспомни, как счастливы мы были когда-то!»

И Джорджия писала в ответ – нет, все кончено, их взгляды на жизнь несовместимы. Она совершила ошибку, полагая, что сможет остепениться настолько, насколько хотелось ему. Некоторое время все шло хорошо, но она мечтает возобновить свои путешествия, она намерена жить своей жизнью.

Последовали и деловые письма: о коттедже, продаже мебели, пересылке ее одежды и личного имущества. Найджелу отходил коттедж, ей – лондонская квартира. Порой Джорджию безумно раздражали все эти подробности. Все равно что скрупулезно шить костюмы для спектакля, который никогда не состоится. Но она знала, что это необходимо. Их письма могли, пусть даже предположительно, перехватывать. В любом случае все получаемые письма они сохраняли, поскольку «А.Ф.» – как теперь они понимали – обязательно наведет справки, прежде чем допустить Джорджию в свой круг.

Затем началось то, что Элисон презрительно именовала «официальными некрологами». Намеки в колонках светских сплетен, постепенно обрастающие подробностями, превращающиеся в утверждения. И затем интервью с одним из авторов сенсационных материалов из «Дейли пост», опубликованное на следующее утро под кричащим заголовком: «Известная женщина-путешественница резко критикует семейную жизнь».

После этого – самого худшего из всех суровых испытаний – шок, сочувствие, гнев, любопытство, хитрые намеки, исполненное благих намерений вмешательство друзей Найджела и ее собственных знакомых.

– Твое первое появление в качестве соломенной вдовы, – усмехнулась Элисон, – будет сложной задачей. Жаль, что ты до неприличия влюблена в своего бывшего мужа. Придется тебя натаскать.

В течение двух недель, прошедших между отъездом Найджела и первыми намеками на их раздельное проживание, Элисон постоянно дрессировала Джорджию. Она звонила и невинно интересовалась, когда вернется Найджел. Приглашала подругу на ужин или прогуляться днем по магазинам и неожиданно упоминала о Найджеле. Вскоре Джорджия научилась отвечать со смесью смущения и натянутости. Понимая, какие серьезные вещи могут зависеть от знания ею наизусть своей роли, она играла с болезненной чувствительностью актрисы на генеральной репетиции.

«Скрупулезность и терпение, – сказал тогда сэр Джон. – Вот что важно в нашей работе». Что ж, они действовали весьма методично. Два его собственных визита в эту квартиру пару недель назад следовало, если кто-то поинтересуется, объяснить тем, что как дядя и опекун Найджела он пытался восстановить их отношения. Предусмотрели вроде все. Джорджия не должна была связываться с сэром Джоном, пока не добудет важной информации, но и тогда могла сделать это с помощью шифра, который выучила наизусть. Данные ей инструкции были достаточно просты: вступить в контакт с заговорщиками из «А.Ф.» и установить владельца медальона.

В тот момент это звучало достаточно просто. Но по мере того, как неделя шла за неделей и приближался день всеобщих выборов, терпение Джорджии подвергалось жестокому испытанию. Найджел, беленый коттедж на склоне зеленого холма, живая изгородь, подстригать которую она так и не закончила, – все это было похоже на воспоминания из какой-то другой жизни. Часто, когда ее вера колебалась, Джорджию так и подмывало бросить эту сумасбродную затею и вернуться домой. Действительно, эта работа наводила уныние. Первое время восстановление старых связей, посещение приемов, концертов, светских мероприятий, исполнение роли женщины, которая вновь обрела свободу, было до определенной степени интересно и даже возбуждало. Но все это скоро набило оскомину. Хотя Джорджия роняла намеки на сочувствие фашистам, выражала страх по поводу действий будущего правительства, это, похоже, было проигнорировано или выслушано с равнодушием, и нигде она не встретила лица, напоминавшего чертами женщину в медальоне.

Когда кошмарное ощущение вечного движения в тупике почти довело Джорджию до отчаяния, дело начало сдвигаться с мертвой точки. Однажды вечером в начале апреля к ней на квартиру приехали Питер Бретуэйт и Элисон Гроув. Если Питер находился в хорошем настроении, это ни с чем нельзя было перепутать. Глаза светились веселостью, заразительная жизнерадостность вызывала желание сделать сальто, выбежать на улицу и перевернуть автобус, поведать молодому человеку свои самые интимные тайны. Он сел верхом на стул и объявил:

– Мы с Элисон считаем, что достаточно долго ходили вокруг да около. Скоро мне участвовать в крикетных матчах, поэтому пора ускорить процесс. Мы собираемся пойти в наступление, немного их побомбардировать.

– Кого? – спросила озадаченная Джорджия.

– Питер путает метафоры, – объяснила Элисон. – Суть в том, что он наконец-то нашел комнату в клубе «Теймфорд», где проходят их встречи, и считает, что в следующий четверг там состоится какое-то важное мероприятие. Мы собираемся прийти туда без приглашения.

– Мы? Но наверняка...

– Нам необходимо там быть, Джорджия, – серьезно произнес Питер. – Посмотреть на присутствующих. Неужели вы не понимаете? Там могут оказаться люди, которые не являются завсегдатаями клуба.

– Но... это же выдаст меня с головой. После такого «А.Ф.» и на милую не подпустит меня к себе. Собственно, я пока к ним и не подобралась. Однако...

– Вы не пострадаете. Просто выслушайте меня. Вот как мы намерены это сделать...

В тот четверг вечером постоянные посетители клуба «Теймфорд» не в первый раз увидели молодого Бретуэйта сильно перебравшим. При всем том большинство их способно было

сохранять диктуемое хорошим воспитанием безразличие по отношению к чему угодно, за исключением массовой резни среди них. Весьма прискорбно уже то, что сюда допустили профессионального игрока в крикет – разумеется, Бретуэйт не совсем обычный профессионал, – но может же он хотя бы достойно вести себя, когда приходит в клуб. Помимо того, разразится жуткий скандал, если сеньор Альварес поймет, что происходит между его женой и молодым спортсменом. Тем не менее в интересах благопристойности и своего пищеварения завсегдагатаи готовы были закрыть глаза на очень многое.

Однако сегодня вечером Питер Бретуэйт подвергал их терпение серьезному испытанию. Мадам Альварес еще не появлялась, это правда; может, и хорошо бы ей появиться, поскольку Бретуэйт совсем распоясался, и никто из его компании не в состоянии обуздать его.

Компания состояла из Элисон Гроув, Джорджии и ее кузена Рудольфа Кавендиша – респектабельного молодого члена парламента от консерваторов, которого Джорджия, отчасти из политических соображений, а отчасти из чистого озорства, пригласила четвертым в их группу. Рудольф был весьма рад возможности познакомиться с известным игроком в крикет, но теперь начал сожалеть об этом. Знаменитость наваливалась на стол, уставившись на молодого человека несфокусированным взглядом, и во весь голос отпускала замечания:

– Кавендиш! Вы же Кавендиш, верно? Да, я так и думал, у меня великолепная память на лица. Ну, Кавендиш, я вам кое-что скажу. Этот клуб нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Тут такое происходит, что вы с трудом поверите. О да, происходит. Не смейте мне возражать, Кавендиш. Щекотка здесь положенная. Пардон. Я хотел сказать, положение здесь щекотливое. Определенно щекотливое.

Рудольф в легком отчаянии взглянул на Джорджию.

– Это для меня новость, – произнес он.

– Осмелюсь заявить, Кавендиш, если бы все было известно, многое стало бы для вас неожиданностью. Прошу, позвольте мне продолжить. Я не против, если люди немного поиграют – живи и давай жить другим, вот что я говорю, – однако меня возмущают, глубоко возмущают эти тайные делишки. Если я хочу сделать ставку, мои деньги ничуть не хуже любых других. Вы согласны?

– Ну, конечно, согласен, старина.

– Не перебивайте, Кавендиш. Прекрасно известно, что в этом заведении играют в рулетку...

– Заткнись, Питер. Возьми себя в руки! – велела Элисон.

– Ага, ты ревнуешь. – Питер погрозил ей пальцем. – Моя хорошая подруга, мадам Альварес, очаровательная женщина, без упреков... безупречная, она так мне сказала.

– Сказала вам о чем? – поинтересовался Рудольф.

– Ну же, Кавендиш, возьмите себя в руки. Может, вы и член парламента – я знаю это только со слов Джорджии, – но слушатель вы отвратительный. Она сообщила мне, что здесь играют в рулетку. Вы полагаете, мой добрый друг, что мадам Альварес лгунья?

– Нет, разумеется, нет. Но...

– Вот именно, Кавендиш. Вы попали в самую точку. Может, он и не красавец, зато попал в самую точку. – Питер постучал себя по лбу, широко улыбаясь смущенному Рудольфу. – Поскольку собирались сказать: почему это всем и каждому тут позволено играть в рулетку, а мне не разрешают? Чистой воды снобизм. Я им покажу. Я не очень-то и хочу играть, однако я не потерплю снобизма. Я пожертвую собой, – заносчиво добавил Питер, – в интересах демократичности спорта.

Он дождался, пока большинство ужинавших гостей занялись кофе и бренди, прежде чем продолжить спектакль. Официанты теперь меньше сновали туда-сюда, и Питер подгадал свои наиболее яркие реплики к тому моменту, когда ни одного из них не было поблизости. Однако Джорджию терзали дурные предчувствия, как бы он не переиграл и не завалил все дело. Питер

был слишком хорошим актером, чтобы переиграть пьяного, но Джорджия угадывала в нем скрытое безрассудство, которое могло подтолкнуть его к розыгрышу своих карт иными способами. Если бы она была поклонницей крикета, то знала бы, что великолепное мастерство Питера Бретуэйта как бэтсмана слегка портила склонность «увлекаться». Энергичный темперамент, который поднял его способности в крикете до таланта, сказывался также в серьезных промахах. Дурное предчувствие Джорджии в сочетании с искренней неловкостью из-за сцены, которую Питер разыгрывал, придало ей требуемый вид беспокойства, смущения и раздражения, когда настал момент совершить следующий шаг.

– Более того, – заявил Питер, – я собираюсь сделать это прямо сейчас.

Он поднялся, не совсем твердо держась на ногах. Рудольф Кавендиш схватил его за смокинг и попытался вернуть на стул, но Питер скинул его руку.

– Оставьте меня в покое, а не то я вас сильно огорчу! – угрожающе воскликнул он. Теперь уже все присутствующие смотрели на них не отрываясь.

Джорджия жестом извинилась перед другими двумя членами их компании.

– Нет. Позвольте мне. Уверена, я с ним справлюсь, – прошептала она и, взяв Питера под руку, повела к выходу. – Идемте, – произнесла она громче, – я тоже хочу повеселиться.

– Вот умница.

Даже за дверями, в пустынном холле, Питер ни на секунду не перестал играть. Хитро глядя на Джорджию с пьяной сердечностью, он сказал:

– Сколько же там пучеглазых напыщенных ничтожеств. Они мне не нравятся. А теперь следуйте за мной. Я знаю, куда идти.

Они поднялись по лестнице. Питер постучал в дверь с надписью «Управляющий». Мадам Альварес приоткрыла дверь, и он протиснулся внутрь мимо нее. Джорджия цеплялась за его руку.

– Прошу меня извинить, – сказала она, сопровождая свои слова взволнованным жестом. – Я не могу... мистер Бретуэйт немного не в себе. Пожалуйста, Питер, пойдемте и перестаньте мешать людям. Мадам Альварес занята.

– Никогда не занята настолько, чтобы повидаться со мной, правда, дорогая? – Он прислонился к отделанной панелями стене, заложив руки за спину и приветливо улыбаясь мадам Альварес. – Я хочу играть в рулетку.

В глазах женщины мелькнул страх. Уголки губ, дрожа, поползли вниз. Она бросилась к Питеру, попыталась оттащить его от стены, сильно встряхнула. Питер не поддался. Тогда она села за письменный стол, спрятав под ним трясущиеся руки.

– Нет, Питер. Прошу вас. Вы не должны.

– Я хочу поиграть в рулетку. Я хочу поиграть в рулетку. Я хочу поиграть в рулетку.

– Они не играют в рулетку, Питер, дорогой. Я заклинаю вас, уйдите. Миссис Стрейндж-эйс, не могли бы вы...

Джорджия заметила, что руки женщины шарят с обратной стороны столешницы. Попрепившись еще немного, Питер заявил:

– Если вы нажмете на ту вашу кнопку, я нажму на эту кнопку.

Он повернул выступ, являвшийся частью лепнины у него за спиной, и сдвинул его. Панель отъехала в сторону. Только это была не панель, а раздвижная дверь шести дюймов толщиной, звуконепроницаемая. Джорджия бросилась к Питеру, стараясь отвести его от стены. Он же затащил ее внутрь – в маленький холл. Там не было ничего, кроме мебели. Питер тихо открыл дверь в дальней стене.

Джорджия не знала, что она ожидала там увидеть. Длинный стол, заваленный, наверно, бумагами, вокруг сидят люди, может, даже с оружием. Длинный стол там действительно стоял, и люди вокруг сидели, но без бумаг. Неприятно разочарованная, Джорджия увидела – это на самом деле не что иное, как рулеточный стол. К вошедшим обернулись лица игроков – недо-

умевающие, возмущенные или испуганные. Молчание подчеркивалось клацаньем шарика из слоновой кости, который скакал, все медленнее и медленнее, по вращающемуся кругу.

Пока шарик не остановился, никто не проронил ни слова. Затем, высунув, как черепаха, голову из клетчатой шали, укрывавшей его плечи, сеньор Альварес осведомился:

– Что означает данное вторжение?

В этой короткой театральной фразе, произнесенной дрожащим, скрежещущим, однако каким-то образом начальственным тоном – Джорджия впервые услышала, чтобы этот человек говорил, – таилась угроза. Будто покойник произнес заклинание на мертвом языке. Однако Питер, ощутило поникший рядом с ней от разочарования, теперь выпрямился во весь рост. Он игриво погрозил пальцем сеньору Альваресу и обратился ко всем присутствующим:

– Ах, негодники, негодники! Незаконный игорный дом? Ш-ш, ш-ш! Обещаю, что не сообщу полиции, если вы позволите мне поиграть.

– Выкиньте этого парня вон! – велел Альварес стоявшему рядом с ним крупье. – Надеюсь, кто-то из вас, джентльмены, поможет.

– Это что такое? – обиженно воскликнул Питер. – У меня столько же прав поиграть, как у любого другого. Денег у меня полно. А все проклятый снобизм, правда, Джорджия? – В его пьяном взгляде мелькнула хитрость. – Разумеется, если вы плохо со мной обойдетесь... ну, возможно, это заинтересует полицию.

– Это частная вечеринка. Они мои друзья. А теперь, сэр, вы уходите или я должен выдворить вас силой?

Наблюдая, как головы игроков в рулетку поворачиваются, словно у зрителей теннисного матча, туда-сюда – от сеньора Альвареса к Питеру Бретуэйту, Джорджия внезапно кое-что вспомнила. Она надеялась, что снизошедшее на нее озарение никак не отразилось на ее лице. Чтобы скрыть возбуждение, она приблизилась к сеньору Альваресу и спокойно проговорила:

– Я очень сожалею обо всем этом. Прошу простить мистера Бретуэйта. Боюсь, он немного перебрал. Он еще молод. Я пыталась удержать его, но он настоял, чтобы мы пришли сюда.

– Не извиняйтесь, мадам. Это я должен извиняться за свою негостеприимность. Но вы понимаете, что мои гости...

Его старческий голос, шуршащий как шелк, потонул в учтивом жесте.

– Идемте, Питер, – сказала Джорджия. – Уверена, сеньор Альварес позволит вам поиграть в другой вечер.

– Я хочу играть сегодня. С этим прелестным шариком. Шелк-шелк, плям-плям.

Питер полагал, сообразила Джорджия, что любой ценой должен удержать завоеванный здесь плацдарм. Увидеть, как они играют в рулетку, убедиться в подлинности игры. Это была его последняя надежда. Как она могла передать ему, что в этом больше нет необходимости?

Сеньор Альварес сделал знак крупье и седоусому джентльмену, судя по выправке, военному, которые встали рядом с Питером.

– Один момент, – сказал он. – Мистер Бретуэйт, могу я спросить вас, как вы раскрыли наш безобидный маленький секрет?

– Секрет Полишинеля, старина. Все знают, что здесь играют в рулетку.

– Я не совсем ясно выразился. – Голос сеньора Альвареса по-прежнему был шелковисто-учтивым, но в нем прозвучала резкость: так потрескивает шелк, когда по нему ведут заско-рузлым пальцем. – Я должен спросить, как вы нашли сюда дорогу.

Джорджия поняла, что это ловушка. Тайну раздвижной панели Питер мог узнать только от мадам Альварес, но если он слишком поспешно признает это, искренность его влюбленности в эту женщину немедленно окажется под подозрением. Джорджия не смела взглянуть на Питера. Его опьянение было настолько убедительным, что трудно было поверить, будто его мозг работает со всей ясностью. После паузы она услышала его голос:

– Я не могу вам сказать. В смысле, это произошло случайно. На днях я ковырял ту лепнину, и эта милая штучка сдвинулась у меня в руке в сторону.

От облегчения сердце у Джорджии подпрыгнуло в груди. Питер взял верный курс. В его голосе грамотно сочетались нерешительность, смущение и неубедительная откровенность.

– Моя жена случайно не...

– Что вы имеете в виду, сэр? – перебил взбешенный Питер. – Говорю вам, я обнаружил рукоятку случайно. Однажды я находился в ее кабинете, ждал ее прихода, и... Вы намекаете, что я лгу?

– Прошу вас, мистер Бретуэйт, – Альварес сделал извиняющийся жест. На туго обтянутом кожей пергаментном лице возникла улыбка, которая показалась Джорджии до странности зловещей, – поверьте мне, мы ценим ваше... благородство. Оно, если позволите мне заметить, достойно лучшего применения.

Питер стиснул кулаки:

– Я явился сюда поиграть в рулетку, а не терпеть сладкие комплименты. Джорджия, пойдете отсюда.

– Нет. Я прошу вас остаться. Надеюсь, вы примете мое приглашение поиграть в качестве извинения за мою ненамеренную невежливость. Уверен, мои гости будут рады...

Послышался общий гул одобрения. Сохраняя собственное достоинство, слегка пострадавшее от винных паров, Питер позволил себя уговорить. Для него и его спутницы освободили место за столом. Джорджия оказалась рядом с профессором Харгривзом Стиллом. Он и финансист мистер Лиминг были единственными из присутствующих, кого она видела в клубе во время предыдущих посещений. Теперь у Джорджии появилась возможность понаблюдать за ними. Седоусого мужчину представили как генерала Рэмсона. Сидел здесь человек средних лет, с меланхоличным лицом и отеками под глазами, что свойственно русской знати, – князь Орлов. Был тут и герр Шварц, с бело-розовым лицом, в тугом высоком воротничке, который врезался в его мясистую шею. Помимо мужчин играли и три дамы. Двух из них Джорджия определила как «распорядительниц благотворительных базаров». Третья, мисс Мейфилд, была моложе и более необычной женщиной. Копна льняных волос и полное отсутствие косметики на лице делали ее неуместной в данной компании. «Здоровая, крепкая, занимающаяся физическими упражнениями девушка», – подумала Джорджия, но, когда колесо снова закрутилось, эти голубые, как незабудки, глаза загорелись игорной лихорадкой.

В той мере, в какой Джорджия доверяла своим чувствам, она вынуждена была признать, что в целом члены этой компании выглядели именно теми, за кого себя выдавали – богатые, скучающие, более или менее респектабельные люди, питающие слабость к госпоже удаче. Их поглощенность игрой, стандартные ужимки, с какими они ставили фишки или делали подсчеты, напряжение, которое никогда не прорывалось сквозь вежливую маску их невозмутимых лиц, – все указывало на азартных игроков. Это обескуражило Джорджию, пока она не вспомнила, что эти люди, если ее интуиция и сведения Питера не подвели, действительно были игроками – и по более высоким ставкам, нежели те, что они делали этим вечером здесь, за столом. Гораздо больше удивлял факт, что среди этих девяти лиц не было ни одного, которое напонило бы привлекательные, незабываемые черты лица женщины в медальоне. «Ну а почему оно должно тут быть?» – уныло спросила себя Джорджия. Если медальон действительно принадлежит кому-либо из главарей заговорщиков, вряд ли он положит в медальон фотографию человека, с кем его можно связать.

Она поймала себя на том, что разглядывает украшенные драгоценными камнями часы на запястье мисс Мейфилд. В них тоже спрятан кружок «А.Ф.»? В следующее мгновение голос рядом с ней пробормотал странные слова:

– Что обо всем этом думает Джон Стрейнджуэйс?

Джорджия вздрогнула, как от внезапного пронзительного звонка телефона в темном доме ранним утром. Вероятно, она никогда не была так близка к тому, чтобы выдать себя. Прошло несколько секунд, прежде чем Джорджия сообразила, что имеет в виду профессор Стил, и ответила:

– Я не знаю. Официально, без сомнения, не одобряет.

– Надеюсь, вы не засланный к нам полицейский шпион? – произнес ученый, неожиданно одарив Джорджию игривой улыбкой.

– Я на вас не донесу. По правде говоря, я теперь мало вижу сэра Джона.

– Вы разошлись со своим мужем? Это не просто рекламный трюк?

Озорная улыбка профессора почти лишила оскорбительности даже это замечание, но Джорджия ответила ему в том же духе:

– По-моему, не профессору Харгривзу Стилу обвинять других в жажде популярности.

– Мадам, как одна жертва прессы – другой: я приношу вам свои глубочайшие извинения.

«Вот уж таинственная личность! – подумала Джорджия. – Неужели он... Да может ли он тоже быть одним из помощников сэра Джона? Или это простая случайность, что его замечание почти попало в цель?»

Больше ничего примечательного в тот вечер не произошло. Джорджия воспользовалась кратковременным везением Питера, чтобы убедить его прекратить игру. Он ушел вместе с ней, восхитительно изображая порядочного молодого человека, который превратился в возмутителя спокойствия и чувствует себя немного пристыженным. В машине Питер сидел тихо, а когда их троица отделилась от Рудольфа и приехала на квартиру к Элисон выпить, вздохнул:

– Что ж, и так бывает. Похоже, мы от души водили себя за нос.

– Почему так мрачно? – усмехнулась Элисон.

– Эти люди просто играли в рулетку. Как подумаю, что напрасно ухлестывал за мадам...

А почему вы сидите с таким довольным видом, Джорджия?

– Вы заметили, как присутствующие повернулись к двери, когда мы появились? До меня не сразу дошло.

– Ну, их предупредили. Мадам нажала кнопку звонка под столешницей, видимо, сообщая, что какие-то неприятные посетители собираются ворваться в их игровую комнату.

– Неужели вы не понимаете? Между ее звонком и нашим появлением прошло несколько минут. Если бы это была настоящая игра в рулетку, единственный смысл звонка заключался бы в том, чтобы предупредить их и дать время скрыть свидетельства игры. Однако они ничего не спрятали. Они хотели, чтобы мы поверили, будто они играли в рулетку. Но они совершили ошибку, посмотрев на нас, когда мы вошли. Настоящие игроки, какими они, конечно, все же являются, были бы настолько поглощены игрой, что не обратили бы внимания на открывшиеся двери, – вспомните, шарик еще крутился. Или звонок, в который позвонила мадам Альварес, соединен с игровой комнатой, и тогда, если рулетка подлинная, они должны были спрятать ее. Или звонок соединен с другой комнатой, и в этом случае, будь они настоящими игроками, они не уставились бы на нас, когда мы вошли. Следовательно, с какой стороны ни посмотри, игра была фиктивной.

Питер хлопнул себя по колену в приливе восторга.

– Клянусь Юпитером, вы правы! – воскликнул он и, взяв Джорджию за руки, закружил ее по комнате.

Глава 6. Игривый ученый

Следующий день для Джорджии тянулся медленно. Ее одолевали сомнения. Питер передаст сэру Джону информацию о присутствовавших вчера вечером в игровой комнате. Их прошлая жизнь будет изучена, за их передвижениями, вероятно, проследят. Но ведь наверняка вся эта история обман? Джорджия признавала, насколько шатки доводы, какие она выстроила на основании прерванной игры в рулетку. Невероятно, чтобы такие люди, как мистер Лиминг и профессор Стил, личности с международной репутацией, вовлечены в мелодраматический, тайный, всецело гипотетический заговор. Ну, возможно, не гипотетический. Сэр Джон не склонен к паникерству. У Питера и Элисон, видимо, есть доказательство того, что клуб «Теймфорд» не совсем то, чем кажется, и ее собственная интуиция выступает против сеньора Альвареса. К тому же вчера вечером Элисон сообщила им, что герр Шварц является иностранным корреспондентом одной нацистской газеты, а было хорошо известно, что подобные журналисты занимаются в Англии не только своими прямыми обязанностями. Однако в личной миссии сама Джорджия никуда не продвинулась. Более того, если эти приличные игроки были членами «А.Ф.», то ей будет очень сложно попасть в их организацию. Теперь трудно было представить, что спектакль Питера мог их одурачить.

Мягким апрельским днем во время прогулки по Гайд-парку, который цвел вокруг нее тюльпанами, нежными ветками с набухшими почками и криками детей, виснувших на ограде или беспорядочно носившихся по траве, Джорджия ощутила отчаяние одиночества. Осведомленность как бы отсекала ее от всего этого неведения и веселья. Женщина чувствовала себя пророчицей, которая видит неминуемый конец, но обречена на молчание. Тяжесть этого знания давила на сердце. Задумчивость Джорджии прервал лай и прыжки у ее ног – палка, которую она рассеянно подобрала на траве и держала в руке, заинтересовала какого-то керри-блютерьера. Джорджия уже хотела швырнуть палку, когда ее остановила владелица собаки, приближавшаяся к ней по-деревенски широким шагом. Это была мисс Мейфилд – в туфлях на низком каблуке, твидовой юбке и голубом, как барвинок, джерси. Здесь она выглядела гораздо более уместно, чем в клубе «Теймфорд».

– Хорошо, что Джип вас нашел, – сказала она.

– Вы меня искали?

– Нет, не особенно. Однако это приятное совпадение, правда?

Мисс Мейфилд покраснела, немного сердясь на себя за то, что не может предложить такой знаменитости, как Джорджия Стрейнджвэйс, ничего кроме банальностей.

– Вы ведь не живете в Лондоне? – спросила Джорджия.

– Откуда вы узнали? Ну не живу, по правде говоря. В смысле, не так много. У моего отца дом в Беркшире. Он тренер. – Она выпалила все это одним духом. Джорджия заметила, что это, наверное, увлекательно – верховая езда, открывающаяся перед тобой панорама холмов. – Мне стало скучно, надоели мужчины, которые ничего не делают, а только занимаются пустяками. Полагаю, вы недоумеваете, что я делала в том паршивом притоне прошлым вечером?

– Играли в рулетку, – сухо произнесла Джорджия.

– Вам-то хорошо! – воскликнула мисс Мейфилд, увлекая собеседницу на скамейку. – Я хочу сказать, вы можете заниматься исследованиями, вы свободны как ветер. Вы должны понимать, что такое жаждать приключений... переживаний любого рода. А мир сейчас – унылое, скучное место, правда? – Она раскинула руки, показавшись в своем порыве прекрасной, нордической богиней. – И я хочу что-нибудь делать. Но папа... ну вы знаете, каковы отцы. Он хороший, однако жутко старомодный. Он хочет, чтобы я ездила в дамском седле, а по вечерам сидела дома с книгой в руках.

– Рулетку он не одобрил бы?

– О боже, нет! Да он бы с ума сошел! Послушайте, вы ведь никому об этом не расскажете? Если это дойдет до отца, мне придется туго.

– Моя дорогая, зачем мне кому-то рассказывать? Я и сама играла. Однако это не кажется мне, – Джорджия выбирала слова с изящно замаскированным презрением, – достаточно... ну... декадентской формой переживания. Я бы решила, что вы способны на большее. Вы много играете?

Как она и надеялась, ее слова заделали мисс Мейфилд. Она резким, некрасивым движением тряхнула своими льняными волосами.

– Это возбуждает, – угрюмо проговорила она.

– Возбуждает? В компании богатых повес в этом парнике? Следя, как скачет по кругу дурацкий шарик?

– Может, в этом больше приключения, чем вы предполагаете. – Мисс Мейфилд прикусила губу и быстро добавила: – В смысле, когда денег у вас немного, вы по-настоящему волнуетесь из-за выигрыша... или проигрыша. В любом случае, они не повесы, не все из них.

Джорджия подняла брови, и беседа ненадолго прервалась. «Может, в этом больше приключения, чем вы предполагаете...» Не чересчур ли мисс Мейфилд простодушна? Или она действительно настолько фанатична, насколько выглядит? Теперь Джорджия понимала, каким образом заговор «А.Ф.» может привлечь подобную девушку. Это будет казаться не столько заговором, сколько крестовым походом. Фанатики необходимы – и опасны – для любого революционного движения. Здесь легко нащупать еще одно слабое звено.

Джорджия умело повернула разговор к нацистской Германии, с притворным восхищением рассказывая о том, что там видела. И была вознаграждена блеском в глазах девушки, ее участвующимся дыханием.

– Да, – кивнула мисс Мейфилд, – это чудесно. Я никогда там не была, но могу это вообразить – дух молодости, уверенности и культ героев античности. Порой я жалею, что у нас нет ничего такого в Англии – не фашизма, конечно, но чего-то приспособленного к нашему национальному характеру. Хочется избавиться от всех этих трясущихся от старости политиков, слащавых евреев и агитаторов.

– Совершенно с вами согласна. Мы дали демократии шанс, а она нас подвела. Это великий идеал, осмелюсь заметить, но в современном мире нам приходится быть реалистами. Пусть правят лучшие люди – даже Платон так говорил, – и в конечном счете остальные будут гораздо счастливее.

Джорджия настолько привыкла понапрасну забрасывать приманку такого рода, что едва не утратила душевное равновесие, когда мисс Мейфилд ее заглотила.

– Кстати, а вы не член «Английского флага»?

– «Английского флага»? Нет. А что это?

Мисс Мейфилд ей поведала. Разумеется, она говорила о безобидной организации, которую уже описал Джорджии сэр Джон; говорила с таким наивным энтузиазмом, что Джорджии трудно было поверить, будто девушка знает, для чего создана данная структура. Однако когда мисс Мейфилд пригласила ее погостить у них в Беркшире и посетить собрание «Флага», Джорджия охотно согласилась. Было в этой застенчивой, резкой, пылкой девушке нечто большее, чем казалось на первый взгляд...

На следующий день беседа под апрельскими деревьями вылетела из головы Джорджии, поскольку события приняли внезапный драматический оборот. Когда она завтракала, зазвонил телефон. Это был Питер Бретуэйт, просивший ее немедленно приехать к нему домой. Джорджия одним глотком допила кофе и взяла такси до Сент-Джонз-Вуда. Питер поджидал ее в холле многоквартирного дома; на его загорелом добродушном лице отражалась тревога.

– Объявилась мадам Альварес. Я в большом затруднении, – прошептал он. – Я немного успокоил ее... она была почти в истерике, но в десять часов мне надо быть на стадионе, тренировать мальчиков. Вы можете немного побыть с ней? Я не сумел дозвониться до Элисон.

Они поднялись наверх, в квартиру Питера. Он не преувеличил. Женщина находилась в состоянии полного упадка сил. Ее величественные манеры исчезли. Лицо без макияжа приобрело землисто-серый оттенок и осунулось; у нее был изможденный вид человека, целую ночь ехавшего в переполненном железнодорожном вагоне. Глаза ввалились и лихорадочно блестели, похоже, от страха.

– Мне жаль, мадам Альварес. Вы плохо себя чувствуете? Хотите, мы вызовем врача?

– Я туда не вернусь, – пробормотала она. – Обратно я не вернусь. Не позволяйте им забрать меня обратно.

– Что вы, конечно. Не волнуйтесь, – улыбнулась Джорджия. – Здесь вы в полной безопасности.

– Вы их не знаете, – тихо продолжила мадам Альварес. – Вчера он запер меня в моей комнате... Я не смела лечь спать. В итоге я все же заснула... Проснувшись, почувствовала себя плохо. Я связала вместе простыни и вылезла в окно. Вы не понимаете... я его боюсь.

Голова женщины моталась из стороны в сторону, глаза прищурились, словно дневной свет причинял им боль. Мадам Альварес являла собой жалкое зрелище, поникнув в кресле, как сломанная кукла; но сейчас Джорджия не имела права поддаваться жалости. Она заставила беглянку допить бренди, который налил ей Питер, потом опустилась рядом с женщиной на колени, растирая ей руки:

– Успокойтесь, моя дорогая. Просто расскажите нам все. Мы не сумеем вам помочь, если не будем знать...

– Роза говорит, ее муж очень рассердился, что она позволила нам войти в комнату с рулеткой. – Питер многозначительно взглянул на Джорджию. – Она, конечно, не виновата. Я сказал ей, что поеду и все объясню сеньору Альваресу.

– Я туда не вернусь. Я туда не вернусь, – пробормотала женщина. Джорджия сжала ее руки. Часть жизненных сил Джорджии передалась Розе Альварес. Она с усилием выпрямилась в кресле и воскликнула: – Я не должна здесь оставаться! Он догадается, что я поехала сюда. Это его автомобиль на улице?

– На улице нет никакого автомобиля, – ответила Джорджия. – Успокойтесь, дорогая. Ваш муж не может причинить вам вреда. Наверняка он не причинит вам зла только потому, что вы были немного неосторожны в отношении рулетки. Вы уверены, что он не ревнует вас... ну, к Питеру?

– Нет. Дело не в этом. Он разрешает мне жить своей жизнью. Он старый человек.

– Ну тогда дело тут в чем-то ином. – Джорджия пристально смотрела в безумные глаза женщины. Все это не лучше инквизиции, но выхода не оставалось. – Может, дело не только в рулетке? В той комнате произошло что-нибудь еще? Не так ли, дорогая? Зачем ему устраивать скандал из-за игры?

– Что-нибудь еще? Я не понимаю... Он твердил, что никто не должен заходить в комнату, пока они играют. Я же просила тебя, Питер, не делать этого. Зачем ты вошел? Я пыталась помешать Питеру, ведь правда?

Мадам Альварес периодически вздрагивала, словно лошадь, которую кусают блохи. Питер стоял у окна, засунув в карманы пальто стиснутые кулаки. Он сознавал, что Джорджия должна проявить безжалостность, однако ему невыносимо было присутствовать при этом в качестве зрителя.

– Мне уже пора идти, – произнес он. – Вернусь к ланчу. А пока Джорджия за вами присматривает. Все будет хорошо, Роза.

Джорджия ожидала сцену, но женщина как будто впала в апатию. Питер сделал жест, который Джорджия никогда не забудет: он приблизился к мадам Альварес и нежно поцеловал ее в лоб. Любовник не смог бы сделать меньше. Иуда не смог бы сделать больше. А Питер не был ни тем, ни другим, хотя ему пришлось побывать в обоих ипостасях.

После его ухода Джорджия возобновила свои усилия, пытаясь заставить Розу Альварес выдать своих сообщников. Внутренне сжимаясь, но действуя уверенно, она перепробовала все виды женского оружия – намеки, хитрость, сочувствие, тонкий обман. В итоге никуда не продвинулась. Джорджия вынуждена была поверить – мадам Альварес ничего не знает о том, что на самом деле происходит за кулисами клуба «Теймфорд». Либо это, либо она слишком плохо себя чувствует или боится объяснить.

Джорджия решила предпринять последнюю атаку:

– Почему вы говорили, что боялись уснуть?

Не успела мадам Альварес ответить, как внизу о чем-то заспорили, кто-то стал подниматься по лестнице. В дверь просунулась голова взволнованной квартирной хозяйки.

– Простите, мэм. Я сказала им, что мистера Бретуэйта нет.

Ее оттолкнули двое вошедших мужчин – сеньор Альварес и его крупье, который был сегодня в шоферской униформе.

Роза Альварес отпрянула, коротко, почти по-звериному вскрикнув. Старик не обратил внимания на Джорджию, но заботливо наклонился над женой и погладил ее по голове. Роза Альварес зажмурилась, словно ласка была прелюдией к пытке.

– Любовь моя, ты так меня напугала, – произнес он своим старческим, шелестящим, как бумага, голосом. – Мы не знали, куда ты уехала. К счастью, я нашел в твоей книжке адрес мистера Бретуэйта. А теперь ты должна вернуться домой и лечь в кровать. Тебе нездоровится. Мы пошлем за доктором.

Однажды Джорджия видела, как кошка играет с землеройкой. Мышь забила в угол. Кошка извлекла ее оттуда молниеносным движением лапы. Снова и снова мышь бежала, спасаясь, обратно, распластывалась в углу, верещала, как скрипевший по аспидной доске грифель, и снова и снова кошка доставала ее оттуда. Мадам Альварес вжалась в кресло. Казалось, она тоже пытается уменьшиться в размерах, притвориться мертвой. В ответ на терпеливые уговоры мужа мадам Альварес не издала ни звука – кроме того резкого, отчаянного вскрика, когда он к ней прикоснулся. Джорджия больше не могла этого терпеть.

– Одну минуту, сеньор Альварес! Ваша жена приехала сюда в истерическом состоянии, которое, боюсь, лишь усугубляется вашим присутствием. Она сказала, что весь вчерашний день провела под замком. Вы очень разозлились на нее за ту историю с рулеткой. Я не хочу вмешиваться, но она очевидно больна, и, по-моему, врача нужно пригласить немедленно. Если вы оставите ее здесь, уверяю вас, ей будет обеспечен надежный уход.

– Не сомневаюсь, мадам. Но я не могу и помыслить, чтобы доставить такие хлопоты вам и мистери Бретуэйту. Если позволите, я бы хотел побеседовать с вами наедине. – Старик знаком предложил ей выйти за дверь. На его длинном, угасшем лице появилась печальная улыбка. – Вы поймете, когда я скажу вам, что моя жена страдает периодически возникающим бредом, разновидностью мании преследования. К несчастью – я никогда себе этого не прощу – я действительно грубо разговаривал с ней о той небольшой допущенной ею неосторожности, и это вызвало у нее один из таких приступов. В подобные периоды ей нужно находиться... взаперти. И требуется квалифицированная медицинская помощь. Если вас успокоит возможность проводить ее до дома вместе с нами и пообщаться с ее врачом, прошу это сделать. Я сознаю, как все это может быть для вас огорчительно.

За свою жизнь Джорджии приходилось принимать много непростых решений, но никогда еще настолько трудного. Она не доверяла изысканной учтивости сеньора Альвареса, хотела вырвать Розу из его рук. Вместе с тем, если сейчас она станет сопротивляться ему, то неиз-

бежно сама вызовет подозрения. С одной стороны, неясная опасность для этой женщины – а Джорджия не могла быть уверена, что объяснение сеньора Альвареса не является правдой. С другой стороны, крах ее собственных шансов попасть в центр заговора. Джорджия взвесила все «за» и «против» и проговорила:

– Да, конечно, сеньор Альварес. Она должна отправиться домой с вами. Я тоже поеду, если можно. Дело не в том, что это успокоит меня, просто это немного успокоит ее.

Джорджия хотела бы забыть эту поездку в «Теймфорд», даже узнав позднее, что Розе Альварес нельзя было помочь уже до ее приезда к Питеру в то утро. Она проследила, как женщину, впавшую в беспамятство, уложили в постель, побеседовала с доктором Уилсоном, ее врачом, вернулась в Лондон и из уличной телефонной будки позвонила сэру Джону Стрейнджуэйсу. Сведения о докторе Уилсоне проверят. Доверенные люди сэра Джона понаблюдают за клубом «Теймфорд». Больше ничего сделать она не могла...

Через пару недель Питер Бретуэйт зашел к ней и сообщил, что мадам Альварес умерла.

– Грязная это игра, – вздохнул он, беспокойно вышагивая по комнате. – Мне это не нравится. Я боялся, что они это сделают, но не мог и пальцем пошевелить, чтобы помочь ей.

– Думаете, они ее убили?

– Разумеется. Доктор Уилсон выписал свидетельство о смерти. Впечатляет, как они проворачивают свои делишки. Не жалея расходов. Доктор явно один из них.

– От чего она умерла?

– От какого-то непонятного заболевания. Элисон узнавала у безутешного вдовца. Бедная Роза... ничего не скажу, я ее терпеть не мог, однако мне бы хотелось поквитаться с этим старым извергом, Альваресом.

– Но если это было заболевание... вы же не хотите сказать, что...

– Все было выполнено весьма аккуратно. Они даже вызвали специалиста. Порой они пугают меня, эти люди, против которых мы действуем. Никаких старомодных ударов тупым предметом. Просто маленькая порция микробов.

– Питер, вы позволяете своему воображению уводить вас слишком далеко.

– Никакого воображения на этот счет. Они просто следуют примеру «Людей в капюшонах». Когда их заговор был раскрыт, французская полиция обнаружила лабораторию, кишевшую болезнетворными бактериями. Один из членов «Cagouards» признался, что их подготовили для использования против предателей внутри движения. Шутите над этим, если можете. Неудивительно, что бедная Роза опасалась заснуть в ту ночь. Она боялась укула с мерзкими микробами. Ее «мания преследования» объяснила бы любые обвинения, которые она выдвинула бы. Членам «А.Ф.» следует соблюдать осторожность.

«Что ж, если это действительно правда, мадам Альварес в итоге все-таки была членом движения, – размышляла Джорджия. – Без сомнения, ее убили не за разглашение тайны их рулетки. Они могут подозревать, что она что-то рассказала Питеру или мне об их движении. Похоже, нам тоже следует соблюдать осторожность». Однако по мере того, как неделя шла за неделей, предположение Питера казалось Джорджии все более фантастичным. И только через два месяца, когда ей наконец удалось попасть на встречи «А.Ф.», она осознала, насколько близок он был к истине. Та сцена, невинная с виду, однако ужасная по сути, врезалась ей в память...

Жаркий июньский вечер. Званный обед в доме профессора Харгривза Стила в Хэмпстеде. Лысая голова хозяина с клоками волос по бокам, которые придавали ему отдаленное сходство с мистером Пиквиком, поблескивала в свете свечей. Он поворачивался то к одному гостю, то к другому, то болтая, как чертенок, с озорным весельем, то отвергая какой-то аргумент с резкой, почти пренебрежительной логикой, то на мгновение впадая в задумчивость, когда в нем как будто не оставалось ничего живого, кроме беспокойных, проворных рук, показывавших небольшие фокусы.

Очарованная Джорджия наблюдала за ним. В ходе беседы интеллект Стила настолько доминировал в компании, что это ощущалось почти физически, словно он был одной из тех неодолимых природных сил – столь дорогих сердцу старых сочинителей историй о привидениях, – которые могут проходить сквозь запертые на всякий замок двери или расшвыривать сильных мужчин в стороны, как пучки соломы. Даже в его игривости чувствовалось нечто львиное. Однако этот груз интеллекта не подкреплялся соответствующим впечатлением от натуры Стила. Не было черт характера, за какие можно было бы зацепиться и сказать: «Вот это настоящий человек»; только череда настроений. Подобно силам природы, профессор Стил был аморфным – он стремительно и постоянно видоизменялся.

Нравственность каждого человека, думала Джорджия, является компромиссом между силой его характера и обстоятельствами. Если нет характера для регулирования этого соотношения, то получаем гения и сумасшедшего, для которых нравственность не имеет смысла. Гений – лишь сумасшедший со своей специализацией и особыми обстоятельствами. По этой причине Харгривз Стил – видимо, один из самых опасных людей в Англии: стихийная личность, обладающая огромной силой, но не имеющая ответственности.

Джорджия забавлялась, наблюдая, как женщины носятся с профессором. Образно говоря, он позволял им поглаживать его гриву, восхищаться клыками, даже немного дразнить, но если они делались слишком дерзкими, то сбивал их с ног одним ленивым, безошибочным взмахом лапы. Без сомнения, позднее они похвалятся этими царапинами перед знакомыми. Ходили бесчисленные истории о жестоких отповедах ученого – часть их рассказывали о себе сами жертвы. В качестве компенсации человек извлекал определенную славу из факта, что спесь с него сбил сам Харгривз Стил.

После обеда он пригласил гостей осмотреть его лабораторию. Здесь, среди резервуаров и микроскопов Стил будто стал другим человеком. Джорджия поняла, почему коллеги порой называют его шарлатаном или «немного шутком». Ему нравилось устраивать шоу. Войдя в лабораторию, он словно надел причудливую мантию древнего алхимика. Повел себя вдруг резко, деловито, однако своими приборами манипулировал с некой подчеркнутой артистичностью и рассеянностью, отделявшей его от аудитории. Зрители видели профессора будто через толстое стекло одного из его резервуаров. Впечатление чародея за работой усиливалось благодаря помощнику ученого – полному человечку с топорщившимися усами. В полной тишине он подавал материалы для каждой новой демонстрации, незаметно передвигался по лаборатории, словно был автоматом, контролируемым с помощью радиоволн, излучаемых массивным лбом профессора.

Одна дама, немного заскучав в ходе представления, кокетливо спросила:

– Когда вы покажете нам, где держите несчастных морских свинок, которых мучаете, профессор Стил?

– Мадам, в глазах науки вы и морская свинка – в равной мере подходящий материал для исследования. Разница в том, что вас содержать дороже.

Женщина, экстравагантные вкусы которой вынуждали мужа публично отказываться от ее долгов, издала резкий нервный смешок. Губы профессора Стила изогнулись в самодовольной улыбке, как у комика-любителя, чья шутка имела успех. Через несколько минут, когда профессор демонстрировал электрический мотор, один из гостей, важничая, спросил:

– Почему вы не используете модель Зинкессена? Я бы сказал...

– Потому что эта лучше, – рассеянно ответил он.

Стил закончил то, что Джорджия назвала «заготовками», и неожиданно взял ее за руку. Не обращая внимания на других гостей, которые потащились следом или вернулись в гостиную, он провел для нее маленькую экскурсию.

– Уверен, миссис Стрейнджуэйс, что во время своих путешествий вам доводилось видеть кое-какие явления. Подойдите и посмотрите поближе на их причины. – Поджав губы, Стил настроил мощный микроскоп. – Это холерные вибрионы. Активные, не правда ли? Взгляните.

Джорджия увидела нечто похожее на множество темных червячков, извивавшихся и метавшихся.

– А здесь бациллы туберкулеза. Довольно скучные. Большинство из нас носит их в себе... Бациллы бубонной чумы... *Borrelia berbera* – это паразит, вызывающий африканскую возвратную лихорадку... Далее, три разных вида малярийных паразитов – *Plasmodium vivax*, *Plasmodium malariae*, *Plasmodium falciparum*... Сибирская язва – заурядное на вид маленькое чудовище, правда? А вот трипаносома, провоцирующая сонную болезнь... А если вы подойдете к этому микроскопу, мы увидим голову мухи цеце – той, что распространяет сонную болезнь в Африке.

К концу демонстрации Джорджия почувствовала легкую тошноту.

– Вы, наверно, привыкли к тому, что все эти мерзкие бактерии находятся в вашем доме. Я бы постоянно вставала ночью, чтобы убедиться, что никто из них не сбежал.

Глаза профессора Стила сверкнули. Слово «сверкнули», возможно, не совсем верно передавало то промелькнувшее в них озорное, даже немного безумное выражение. Он хлопнул Джорджию по плечу:

– Не волнуйтесь. Я не натравлю их на вас... если будете вести себя хорошо.

Двое других гостей, до сих пор остававшихся с ними, засмеялись. Харгривз Стил был этим вечером в ударе. Но у Джорджии кровь застыла в жилах. Она поняла, что слова ученого – угроза. Джорджия навидалась ужасов, которые причиняли эти отвратительные микроскопические существа. Возможно, смерть Розы Альварес – из этой безликой, чистой лаборатории. Сама же Джорджия, являясь теперь членом движения, получила предостережение, донесенное в невинных выражениях в присутствии двух ничего не подозревающих свидетелей, – бомбу, скрытую в хлопушке.

Именно эта сцена позволила Джорджии несколько месяцев спустя, когда руководитель заговора, человек, которого «А.Ф.» намеревался сделать диктатором, оказался в ее власти, обращаться с ним без всяких угрызений совести, как обращалась бы она с несущей болезнь вошью профессора Стила.

Глава 7. «Английский флаг»

Та сцена в лаборатории профессора Стила ознаменовала новый этап отношений Джорджии с «А.Ф.», который начался во время ее первого визита в дом Элис Мейфилд в середине мая. Анализируя эту историю год спустя, Джорджия увидела встречу в ее истинном свете. Она напредила ей один случай, когда Джорджия девочкой плыла на яхте подруги к Внешним Гебридам. Остров Барра, мрачная черная глыба, поднялся над горизонтом. Яхта подходила к острову, ближе и ближе, пока не возникло впечатление, что сейчас она врежется в скалы. Потом, почти мгновенно, появилось устье пролива, сначала как узкая изогнутая расселина в скалах, затем – как судоходный канал, и по нему они плавно прошли в самую глубину острова, в город Каслбэй, где, как забытая игрушка, лежал на самой дальней стороне бухты на своем крохотном острове замок Кисимул.

Так и теперь случилось с Джорджией. Несясь на всех парах на внешние стены заговора, пока не стало казаться, что она разобьется о них, Джорджия вдруг легко нашла проход.

По дороге в Беркшир она размышляла над информацией о конюшне Мейфилда, полученной от Элисон и других агентов. Джордж Мейфилд, офицер кавалерии и в свое время знаменитый наездник-любитель, теперь тренировал лошадей лорда Чилтона Кэнтелу. Чилтон – Чилли, как с любовью называли его люди, получавшие выгоду либо от его щедрости, либо благодаря тому, что лошади оправдывали доверие делавших на них ставки, – был миллионером среднего возраста, фигурой колоритной в своем роде, наподобие великих аристократов-либералов XVIII века. Джорджия даже заметила в разговоре с подругой, наполовину в шутку, что для «А.Ф.» он стал бы идеальной кандидатурой на пост диктатора, однако Элисон возразила:

– Нет, это ложный след, моя милая. С Чилли все в порядке. Он хороший человек. Подожди, пока познакомишься с ним.

Однако Джорджии не суждено было познакомиться с ним в тот приезд. Чилли находился за границей, как сообщила ей Элис Мейфилд при встрече на станции. И несомненное восхищение, и при этом вызов, появившиеся во взгляде девушки, позволили Джорджии предположить, что перед ней еще одна легкая победа Чилтона Кэнтелу. Возможно, не такая уж и легкая. Элис – гордое, обидчивое создание; ее голыми руками не возьмешь.

Пятиминутная поездка привела их в поместье Мейфилдов. Длинный, беспорядочно построенный дом из красного кирпича, белый штакетник, конюшни за домом – все выглядело новеньким на фоне большой холмистой гряды, уже слившейся в одно целое из-за вечерней тени. Воздух был полон звуков: приглушенный топот и цоканье лошадиных копыт, звяканье ведер, голоса, доносившиеся со двора и выгула, а над ними – отдаленный рокот, когда в небе, выстроившись косяком, как дикие гуси, пролетело звено истребителей, направлявшихся на аэродром.

– У нас теперь три аэродрома в радиусе примерно двадцати миль, – пояснила Элис. – Аттерборн, Хартгроув и Тьюбери.

– А самолеты не пугают ваших лошадей?

– Они к ним привыкли.

– Полагаю, мы все к ним привыкли. И к мысли, что смерть может явиться с воздуха.

– Значит, вы не пацифистка? – резко спросила Элис Мейфилд.

– Упаси Бог, нет. Мне не нравится идея быть убитой, не имея хотя бы возможности нанести ответный удар.

– Я хотела вступить в Гражданскую воздушную гвардию, но папа не позволил. Он считает, что летать – не женское дело.

– Тогда посоветуйте ему почитать «Жизнь пчел» Метерлинка. Особенно главу о брачном полете.

– Отец с книгой? Не смешите меня. Единственная книга, которую он открывает, – это история о лошадиных родословных.

– Что такое, моя дорогая? – раздался позади них голос. – Здравствуйте, кто к нам пожаловал?

– Миссис Стрейнджуэйс. Позвольте вам представить. Мой отец. Миссис Стрейнджуэйс – одна из наших гостей в этот уик-энд, папа, если ты забыл.

– Рад знакомству, – проворчал он, энергично пожав руку Джорджии. – Моя дочь много о вас рассказывала. Прямо-таки полюбила вас. Я немного глуховат, поэтому вам придется говорить громко. Старость, знаете ли. Почему вы не привезли мужа?

– Папа! Ты же помнишь, я тебе...

– Не следовало ей так делать, в ее-то возрасте!

Джорджия, опешив, взглянула на мистера Мейфилда. Он указывал палкой на старую женщину, которая шла по дорожке между изгородями с двумя ведрами воды. Когда она приблизилась к ним, мистер Мейфилд закричал:

– Не следовало так делать, миссис Элдер! Вы навредите себе. Как ваш ревматизм?

– Терпимо, сэр. Не могу пожаловаться. Это все из-за дождливой погоды нынешней зимой.

– Да будет вам! Вы еще и пятьдесят лет проживете. Подождите, пока дотянете до моих годков. Дело не в погоде, а в старости, вот в чем штука. Нутром это чую. Курносая уже за углом. Доброго вам дня.

Джорджии понравился шумный старик в жесткой плоской шляпе, в желтом жилете, клетчатом пальто со шлицей и бриджах для верховой езды. Но она поняла, что он подавлял личность Элис Мейфилд. Отец попеременно то баловал, то жестко подчинял себе единственную дочь – Джорджии еще предстояло узнать, что у девушки было четверо братьев. Хотел, чтобы она воплотила в себе его умершую жену, «женственную женщину», как с горечью выразилась Элис, тогда как сама она, воспитанная в этом мужском обществе, боготворящая своих братьев и в то же время завидующая их свободе, не смогла обрести ни свободы девчонки-сорванца, ни женской безмятежности.

Это впечатление надежно закрепилось в голове Джорджии на следующее утро. Проснувшись рано в маленькой, с белеными стенами комнате, она накинула плед и подошла к окну. Почти горизонтальные лучи солнца высвечивали холмы на западе с такой ослепительной ясностью, что казалось, будто видна каждая травинка. На фоне холмов, которые с двух сторон вздымались вверх гигантскими, как атлантические валы, складками, дом, конюшни и деревня представлялись крохотными и тихими в своей котловине. Вскоре на гребне холма справа появилась всадница. Гнедая лошадь горделиво выгнула шею, когда она задержала ее на самом верху в скульптурной позе. Солнце превратило льняную копну волос наездницы в неопалимую купину, маяк на этой пустынной возвышенности. Вместе с тем, несмотря на великолепие картины, которую являла собой Элис Мейфилд, девушка уныло сутулилась с видом человека, ожидающего подкрепления, которое никогда не придет. Неподвижно сидевшая на лошади, внимательно смотревшая на юг, она показалась Джорджии образом «недовольного божества».

Было в ее позе что-то и от часового. Джорджия вспомнила призрак Ярнолдской фермы, и ей вдруг пришло в голову, что здесь тоже стратегическая позиция: дом расположен между тремя военными аэродромами. Перед глазами возникла картина: эскадрильи самолетов, пикирующие и разворачивающиеся над зданием парламента, пока внутри предьявляется ультиматум. Отставка или...

Джорджия с раздражением отогнала видение. В данной ситуации это было хуже всего – начинают появляться фантазии, и ты замечаешь врага на каждом углу. Девушка на холме дернула поводья, лошадь рванула вперед – быстро, гладко, сжато, как торпеда. Она пролетела

галопом по гребню холма и уже через мгновение мчалась на бешеной скорости по дорожке к сонной, ослепленной утренним солнцем деревушке.

– Ну что, доставили вы добрую весть из Гента в Аахен? – спросила через пять минут из окна своей комнаты Джорджия.

Элис Мейфилд подняла голову, ее щеки покраснелись.

– Я отлично прокатилась. Вы видели меня там, наверху?

«Да, – подумала Джорджия, – она выглядит невинной, как этот рассвет. Я должна перестать воображать всякую чепуху». Однако девушка была в той жаркой комнате с сеньором Альваресом и его сообщниками, она не могла попасть туда случайно.

Состоявшееся вечером собрание, на котором Джорджию приняли в «Английский флаг», было столь же невинным, несмотря на всю свою странность. Присутствовал мистер Мейфилд, хотя перед этим громко бурчал обо «всех этих дурачествах Элис». Двое из его сыновей – румяные, крепко сложенные молодые мужчины; один или два соседних фермера, слегка трепещущие под внешней невозмутимостью; несколько молодых особ из «графства», проказливые и непочтительные; приходский священник; главный конюх – грубый с виду, кривоногий, жующий резинку худенький человек; еще два гостя, помимо Джорджии, – землевладелец из другой части района и его жена и несколько офицеров ВВС, с прилизанными волосами, скромные, переговаривающиеся на своем жаргоне.

Заседание началось с церемонии, которую провел старший брат Элис, Роберт, надевший ради такого дела мантию и принявший звание старшего знаменосца. На церемонии царил атмосфера комичности, наигранности и убогого мистицизма, вполне способного сойти в своем декадансе за религию или идею. Джорджию в основном беспокоило мрачное предчувствие – опасение того рода, которое испытываешь на спиритическом сеансе, переживая, как бы не ошибся медиум, или когда следишь за жалкими потугами какого-нибудь старого актера в странствующем варьете, пытающегося воспроизвести игру времен своего успеха. Эта часть церемонии завершилась принятием в организацию Джорджии.

– Верите ли вы в закон аристократии, в правление и правительство высшей личности? – спросили ее.

– Верите ли вы в наследственную линию подлинной аристократии?

– Верите ли вы в привилегии и ответственность высшей расы?

И так далее.

Джорджии удалось сохранить невозмутимый вид, и в должное время она стала членом «Английского флага». Она с интересом отметила, что кружочка, такого, как Найджел обнаружил в медальоне, она не получила. Вероятно, сэр Джон был прав, утверждая, что такие кружочки в ходу лишь среди настоящих заговорщиков. На нее вдруг обрушилась волна тоски по дому: ей хотелось поведать Найджелу об этой нелепой церемонии, услышать его взрывной смех. Все здесь казалось совершенно нереальным.

Когда церемония закончилась, началось заседание Круглого стола. За этим высокопарным названием, как обнаружила Джорджия, не скрывалось ничего, кроме сидения за круглым столом и высказывания недовольства в адрес правительства, прислуги, «критической тяжести размеров налога», социалистической партии, дурного поведения пешеходных туристов, спекуляций в области строительства и торговли, снижения качества современного искусства, пустых церквей, ставок на результаты футбольных матчей, химического пива и ограничения рождаемости. Все это было скучно и смешно, но в то же время становилось ясно, какую кашу заваривал «Английский флаг» для прикрытия деятельности настоящих заговорщиков.

Однако на следующее утро Элис Мейфилд взяла ее с собой на верховую прогулку до завтрака, и высоко на холмах, глядя на воскресный покой полей и деревень, Джорджия наконец была посвящена в тайну, которая так долго от нее ускользала. Они остановили лошадей,

чтобы полюбоваться пейзажем, и Элис вдруг спросила, что она думает о собрании «Английского флага».

– Вы хотите от меня вежливости или честности? – уточнила Джорджия.

– Ненавижу, когда люди отвечают из вежливости.

– Что ж, хорошо. Я решила, что это было смехотворное надувательство. Не сама идея – я не присоединилась бы к «Флагу», если бы так считала. Но все эти разговоры, разговоры, разговоры... Абсолютно вздорные и ничтожные. Почему они не сделают что-нибудь вместо того, чтобы постоянно скулить. «Аристократы», жалующиеся на свои глупые мелкие обиды. Им духу не хватает? Ваши братья как будто не такие, но и они лишь болтали вместе с остальными, как пара заговорщиков из кафе. Какое жалкое зрелище мы собой представляли, жалуясь на то, как демократия губит империю, повторяя друг другу, какие мы замечательные – рожденные править, и все прочее, а затем продолжая просиживать штаны! Упаси меня Бог от такой самодовольной, ленивой самоуспокоенности.

Как Джорджия и надеялась, презрительное замечание в адрес братьев задело Элис Мейфилд за живое.

– Мы не настолько бесполезны, как вы думаете, – возразила она. – Не все из нас. Не Роберт и Деннис. Или я. Мы помогаем делать дело.

– Правда? Пишите письма в «Таймс»?

У Элис даже ноздри побелели, но она сдержалась.

– Что бы вы сказали, если бы я сообщила, что менее чем через год мы сметем демократов в Британии и утвердим истинного лидера, настоящее руководство?

– Я бы ответила, что вы грезите. Мечта, однако, приятная.

– Вы бы присоединились? Наш внутренний совет считает, что вам бы цены не было.

– Разумеется, я присоединилась бы, если бы считала, что у вас есть хоть какой-то шанс на успех. Я в безнадежных экспедициях не участвую. Кстати, кто этот лидер?

– Мне не позволили бы сказать вам, даже если бы я и знала. Его имя известно лишь полудюжине людей в движении.

– Это покупка кота в мешке, не так ли? Откуда вы знаете, способен ли он вообще на что-нибудь?

– Он спланировал все это движение. Организация просто поразительна, такое мог придумать только выдающийся человек.

«Может ли это быть правдой?» – спросила себя Джорджия. Движение, за которым стоит анонимный гений? А если Элис отвлекает ее внимание; в конце концов, маловероятно, чтобы чужаку сразу доверили столь важную информацию. И все же она готова была поклясться, что девушка говорит правду или, по крайней мере, считает правдой, будто личность будущего диктатора известна только руководителям движения. А если это правда, то она соотносится с тем, что говорил ей о конспирации сэр Джон. Это минимизирует самую большую опасность, которой подвержены подобные заговоры, – опасность пострадать от осведомителя. Однако это же делает заговор более уязвимым: если кто-нибудь узнает, кто этот предатель, то одним камнем убьет и гения, и главу организации.

Джорджия постаралась внешне сохранить скептическое отношение, но постепенно позволила себе попасть под обаяние энтузиазма Элис Мейфилд. Из ее рассказа скоро стало ясно, что движение, как и подозревал сэр Джон, разделено на множество, в его терминологии, водонепроницаемых отсеков, чтобы утечки наносили минимальный ущерб. Британия была поделена на шесть районов, каждый со своим собственным организатором. Каждый район, в свою очередь, состоял из большого числа автономных групп – подрайонов, члены которых не знали ни об именах, ни о количестве участников и особых задачах других групп. В задачу Элис Мейфилд, насколько поняла Джорджия, входило поддержание связи между беркширской группой

и членами «внутреннего совета» в Лондоне. По этой-то причине она, без сомнения, и находилась в клубе сеньора Альвареса.

– Вы говорите, что внутренний совет считает, будто от меня может быть какая-то польза. Они попросили вас поговорить со мной или это была ваша идея? На мой взгляд, они должны относиться ко мне с подозрением, ведь я все же, так сказать, замужем за полицией.

– Господи, да я бы к вам не подошла, если бы мне не велели! Наше движение не поощряет самодеятельности. Вас уже тщательно проверили.

Только после завершения всей этой истории Джорджия узнала, насколько детальной была эта проверка. И самым нелепым было то, что выполнялась она по заданию сэра Джона Стрейнджуйса. Через месяц после ее первого посещения клуба «Теймфорд» он отвел в сторонку одного из своих людей – инспектора уголовной полиции из политического отдела, которого имел все основания считать членом этой тайной организации, сказал ему конфиденциально, что в последнее время до него дошли странные сообщения о миссис Найджел Стрейнджуйс, мол, она отказалась повидаться с ним или как-то объяснить, и попросил тактично разобраться в этих слухах. Инспектор немедленно доложил об этом своему местному организатору «А.Ф.» и получил приказ провести расследование, как и попросил сэр Джон, и передать любую полученную информацию «А.Ф.». Таким образом, сэр Джон достиг своей цели: отмежеваться от Джорджии и в то же время заинтересовать ею «А.Ф.». Ее квартиру обыскали. Были найдены письма от Найджела, подтверждающие их окончательный разрыв. И очень скоро профашистские симпатии, которые Джорджия прилежно демонстрировала, также стали известны «А.Ф.».

Ее первая беседа с Элис Мейфилд довершила остальное. Перед ними была известная, влиятельная женщина, очевидно, не у дел, недовольная своим нынешним существованием, разочаровавшаяся в демократическом правлении: Джорджия как раз представляла собой полезный для «А.Ф.» тип личности. Однако лидеры движения, хотя и обладали уверенностью людей, за которыми стоят неограниченные денежные средства, и находились под очарованием перспективы почти неограниченной власти, ничто не принимали на веру. Они все делали тщательно, и это должно было подтолкнуть Джорджию к самому краю бездны.

Глава 8. Гранки

В то лето надолго установилась сильная жара. Питер Бретуэйт преуспевал в быстрых подачах, зачетным пробежкам не было конца, как маслу в кувшине вдовы⁶.

Элисон Гроув продолжала заниматься своими делами в Эскоте и Херлингеме, на балах, на приемах в саду и торжественных церемониях. В тысячах контор, на заводах, в трущобах изнемогали от жары рабочие, с нетерпением ожидая короткого августовского отпуска. И за всей этой обыкновенной жизнью невидимо, как сражаются в крови красные и белые кровяные тельца, шла война между агентами сэра Джона Стрейнджуэйса и заговорщиками. С обеих сторон это была война без правил и пощады. Даже участники, не считая высшего руководства, ничего не знали об этой битве, кроме своего сектора. Правда, в определенном смысле битва едва только началась: в настоящее время велось маневрирование по занятию лучшей позиции, перестрелка между сторожевыми постами. Однако изолированность Джорджии заставляла ее ощущать себя воином, который защищает свой участок фронта, протянувшегося по всей Британии, и который только по слухам знает, что его товарищи тоже сражаются.

Читая газеты, она тщательно вылавливала смутные намеки, свидетельствующие о наступлении «А.Ф.». В стране постепенно умело создавалась атмосфера неуверенности. Фондовую биржу лихорадило, курс ценных бумаг колебался без видимых причин, как встревоженные воздушные массы перед грозой. Реакционные газеты, не слишком себя компрометируя, начали переходить на новый, скептический тон в отношении парламентской формы правления. Некие известные личности – во время послеобеденных речей, в клубах, в школах при вручении аттестатов, при закладке фундаментов – выступали за более тесное сотрудничество с тоталитарными режимами. Семена сомнения и разногласий сеялись, подобно плеведам из притчи, пока Англия спала⁷.

Были и другие события – таинственные исчезновения, необъяснимые самоубийства – потери в ходе тайной войны. Читая между строк, Джорджия удивлялась, с каким мастерством «А.Ф.» создавал атмосферу кризиса, стремился уничтожить веру англичан в демократические институты.

Сама она, как член одной из лондонских групп этой организации, получила задание вербовать сторонников движения среди своих знакомых – задача, требовавшая всех сил ее ума, поскольку в большинстве случаев вела к вежливому отчуждению или явной враждебности. Но, зная, что «А.Ф.» таким образом испытывает ее, Джорджия делала свое дело. Ей было велено оказывать полное повиновение любому, кто предъявит ей значок «А.Ф.» – такой же кружок, какой она нашла в медальоне; он имелся лишь у шести руководителей районов, членов внутреннего совета; но никто пока к ней не обратился, и Джорджия начала терять надежду на дальнейшее проникновение в движение.

Необходимость публично носить эту отвратительную маску, страшное напряжение, возникающее, когда работаешь на одну сторону и в то же время делаешь вид, будто преданно трудишься на другую, начали сказываться на нервах Джорджии. Поэтому она обрадовалась, получив приглашение снова посетить Мейфилдов, – как может обрадоваться измученный боец, которого переводят на более спокойный участок фронта. По крайней мере предполагалось, что там будет потише...

Глаза Элис Мейфилд горели огнем, в манере держаться прорывалось сдерживаемое возбуждение, которое вскоре получило объяснение, когда она сообщила Джорджии, что одним из

⁶ Отсылка к истории из Ветхого Завета.

⁷ См. Мф. 13:24–30.

гостей будет лорд Чилтон Кэнтелоу. Джорджия тоже разволновалась. У нее начинало складываться мнение об этом богатом плебее, и ей было важно проверить его.

Однако Чилли прибывал только на следующий день, и мысли о нем вылетели у Джорджии из головы из-за инцидента, произошедшего, когда они добрались до поместья.

– Вы пока пойдите и поздоровайтесь с папой, – сказала Элис. – Интересно, куда он делся?

Вскоре они нашли его в кабинете, где он выглядел не более уместно, чем одна из его лошадей. Шляпа с плоским верхом лежала рядом на письменном столе, в руке мистер Мейфилд держал карандаш и казался настолько погруженным в чтение книги в бумажной обложке, что поначалу не услышал, как вошли женщины.

– Здравствуй, папа. Я...

– Какого черта? С какой стати ты врываешься, как... Прошу прощения, миссис Стрейнджуэйс. Не заметил вас. Как дела? Чертовски жарко сегодня.

Старик поднялся, ловко сунув книгу под стопку бумаг. Пока он энергично жал руку Джорджии, та вспомнила, как в прошлый ее визит сюда Элис сказала: «Отец с книгой? Не смешите меня. Единственная книга, которую он открывает, – это история о лошадиных родословных». А эта книга, насколько она успела заметить, не напоминала упомянутый бесценный труд. Это, несомненно, были гранки. Что делало ситуацию еще более странной. Если мистер Мейфилд никогда не читал книг, то резонно предположить, что вряд ли он книгу написал.

В тот момент Джорджия от комментариев воздержалась, но позднее, когда Элис помогала ей распаковывать и раскладывать вещи, заметила:

– Не знала, что ваш отец писатель.

– Писатель? Нет! С чего вы взяли?

– Мне показалось, что сейчас он читает гранки.

Последовала секундная пауза, прежде чем Элис ответила:

– Их прислал ему какой-то издатель. Попросил составить мнение об этом произведении. Полагаю, им это надо для рекламы. Отцу периодически присылают книги – по его роду деятельности, воспоминания о скачках и тому подобное. Правда, он их практически и в руки не берет. Наверно, эту книгу написал кто-то из его друзей.

Звучало убедительно. Джорджия была знакома с привычкой издателей посылать книги перед публикацией известным людям, спрашивая их мнения и рассчитывая таким образом на небольшую бесплатную рекламу. Обычно они передавали окончательный вариант, а не гранки, но не всегда. Но почему старый мистер Мейфилд моментально убрал книгу с глаз подальше, когда они вошли? Вряд ли его грубое презрение к литературе достигло такой степени, что он испытывает стыд, когда его застают в компании с книгой?

Пока Джорджия переодевалась к ужину, это любопытное маленькое происшествие не давало ей покоя. То, что правильное объяснение пришло ей в голову не сразу, связано с тем, что прежде она не думала о Джордже Мейфилде в связи с заговором. Об Элис и ее братьях – да. Но их отец, с его любимыми лошадьми, старомодными причудами, сосредоточенностью на одной теме казался бесконечно далек от амбиций и ухищрений «А.Ф.». Однако было нечто странное в этих гранках. Они не вписывались в общую картину. А на все не вписывающееся в общую картину глаз у Джорджии был наметан. Она как раз накладывала румяна, когда ее осенило, что это, возможно, тот ключ, который она ищет. Каким восхитительным способом связи между главными заговорщиками были бы эти гранки!

Они могут ожидать, что их корреспонденцию станут вскрывать люди Джона Стрейнджуэйса. По крайней мере, было бы опасно посылать важные сообщения по почте, пусть даже и закодированные: нет такого кода, который не расшифруют в наши дни. Но кому придет в голову перехватывать книгу, посланную почтенным издателем с просьбой к получателю высказать о ней свое мнение? А в книге объемом в 100 тысяч слов найдется достаточно комбинаций, способных поставить в тупик самого опытного шифровальщика, даже если предположить,

что полиция разгадает данную уловку. Сам издатель вполне может быть выше всяких подозрений. Достаточно присутствия в его конторе члена «А.Ф.», чтобы получить экземпляр гранок и отправить их, каким-то образом указав заранее нужные слова или буквы.

Едва эта мысль вспыхнула в мозгу Джорджии, как сразу возникла ответная реакция. «Какая же я глупая! В этом нет смысла. Каким бы большим и разнообразным ни был издательский список, у издателя не будет достаточного количества одновременно готовых к публикации книг на разные темы, чтобы обеспечить функционирование данного способа. Кроме того, если бы не моя нервозность, когда начинаю подозревать всех и вся, я наверняка признала бы, что лидерам «А.Ф.» нет нужды в столь замысловатых фокусах: ничто не мешает им просто встречаться друг с другом».

Нет, вся эта идея нереальна. Тем не менее Джорджией овладело желание доказать это, как очнувшийся от ночного кошмара ребенок стремится обследовать платяной шкаф, полный ужасных вещей, – просто чтобы убедиться. Джорджия решила познакомиться с гранками мистера Мейфилда.

На следующий день перед самым ланчем прибыл лорд Чилтон Кэнтелу. Все утро над гостями поместья витало ощущение беспокойства, ожидания. Джорджии эта обстановка казалась сочетанием подавленности и взвинченности, подобно наэлектризованному воздуху перед тропическим ураганом. Гости бесцельно слонялись, переговаривались с каким-то судорожным оживлением, будто по дому гуляли легкие ветерки – предшественники бури. Элис Мейфилд была рассеянна, умолкала в середине беседы, уставившись перед собой невидящим взглядом. Слышно было, как ее отец распекает конюха за какую-то незначительную провинность. Леди Риссингтон, известная красавица, которой Элисон Гроув дала прозвище «Всегда открытая дверь», нервно прихорашивалась перед каждым попавшимся ей зеркалом. Как нелепо, думала Джорджия, что один человек способен создать это чрезвычайно атмосферное возбуждение, пусть даже он миллионер и Божий дар тоскующей женской половине человечества.

А когда все они пили коктейли в просторной гостиной, окна которой выходили на холмы, сложившие свои длинные тени вокруг себя, как крылья, и дремавшие в полуденном солнечном свете, появился Чилтон Кэнтелу. Ему было лет сорок пять, но выглядел он моложе. У него были плотные курчавые волосы, прямой нос и маленький классический твердый рот. Красота его черт, вынужденно признала Джорджия, была совершенной и принадлежала к красоте того рода, которая никогда не стареет. Во взгляде его глубоко посаженных дерзких глаз, с интересом блуждавших по собравшимся, не было и следа высокомерия или рассеянности. «Здравствуй, Чилли!» – раздалось всеобщее приветствие, и в помещении возникло движение, и все успокоилось, словно произошли какие-то бурные процессы, очистили воздух и изменили здешние отношения. Элис Мейфилд вела его к Джорджии. Та с удивлением отметила, что походке Чилтона Кэнтелу недостает несравненного изящества его головы и плеч: он шел немного неуклюже, наклоняясь вперед, размахивая перед собой руками, как медведь лапами; и этот изъян в его физическом совершенстве парадоксальным образом сделал лорда Кэнтелу более реальным для нее, более простым и приятным. Во взгляде, которым он окинул Джорджию при рукопожатии, сквозили одновременно застенчивость и вызов. «Ну и что вы обо мне думаете?» – казалось, спрашивал он. На мгновение Джорджия ощутила на себе всю мощь его личности.

– Очень приятно, – произнес он. – Я всегда хотел с вами познакомиться. Я много о вас слышал.

В словах лорда Кэнтелу не было и намека на снисходительность или общепринятую фальшь. Его улыбка, мальчишеская и вместе с тем уверенная, создала между ними атмосферу соучастия, будто они были старыми друзьями, которые встретились в комнате, полной незнакомых людей.

– Да, – кивнула Джорджия, – мы оба любим рисковать. Во всяком случае, это у нас общее.

Она заметила легкое, сдержанное движение рядом с собой. Элис Мейфилд не привыкла видеть, чтобы с ее идолом обращались столь бесцеремонно. Или, возможно, она почувствовала укол ревности, уловив в словах этих двух людей первый звон скрепленных рапир.

– Рисковать? – удивился Чилтон. – По-моему, вы прекратили активную деятельность. Планируете новую экспедицию?

– Нет. Сейчас в Англии такая волнующая обстановка, вы не находите? У меня ощущение, будто мы находимся на пороге грандиозных событий. На сей раз развлекутся домоседы.

Глядя Кэнтелу прямо в лицо, Джорджия не увидела ни следа замешательства. А почему, собственно, оно должно быть? Нет и узнаваемого намека на черты женщины из медальона. Если она надеялась форсировать дело, ей это не удалось.

Чилтон засмеялся:

– Вы говорите так, словно собираетесь устроить революцию или нечто подобное. Из вас получилась бы отличная Жанна д'Арк.

– Что ж, если и устрою, то вам придется ее финансировать. Одних голосов избирателей сегодня недостаточно. Но, серьезно, учитывая всю эту международную напряженность, что-то же должно вскоре разразиться, как по-вашему? Какие сейчас в Германии настроения? Я не была там несколько лет.

– Они напуганы. Как и мы. Только гораздо громче кричат, чтобы скрыть это. А что вы имеете в виду, говоря, что на сей раз развлекутся домоседы?

Джорджия молча показала в окно. В небе низко летела группа бомбардировщиков.

– Я понимаю развлечения по-другому, – произнес Чилтон Кэнтелу. Но сказал он это небрежно; и Джорджия, увидев, как заблестели его глаза, следившие за перемещением самолетов, поняла, что он действительно испытал бы грубое, детское наслаждение от взрыва, облака дыма и пыли, рассыпавшихся в прах домов – от зрелища разрушения.

– Мне бы понравилось, – промолвила Элис Мейфилд. – Да, звучит ужасно, однако подумайте об ощущении силы там, наверху. Они сражаются в воздухе, как боги. Разумеется, сама по себе бомбардировка ужасна, но...

– Элис – кровожадное дитя, – усмехнулся Чилтон. – Романтик, склонный к кровопролитию, – настоящий ужас. Ей бы работать медсестрой в больнице – вот лучшее лекарство.

Элис вспыхнула, сердито посмотрела на Джорджию, будто она, а не Чилтон произнесла эти небрежные, обидные слова. Джорджию они тоже шокировали. Чилтон, который, очевидно, был человеком воспитанным и чутким, не мог не понимать, насколько его замечание ранит девушку. Обращаясь к ней с насмешливым презрением, он демонстрировал наличие в своем характере жестокости или, по крайней мере, безответственности. Что ж, Чилтон миллионер: сложно собрать столько денег, не ранив так или иначе множество людей.

– Вы не слишком жестоко с ней поступили? – спросила Джорджия, когда Элис отошла в сторону.

Чилтон внимательно посмотрел на нее, словно прикидывая, какой ответ доставит ей наибольшее удовольствие.

– Приходится порой. В итоге для нее будет лучше, если я стану держать ее... на расстоянии.

– Когда такая девушка влюблена, отпор лишь усилит ее чувства. Она заставит себя поверить, что это лишь доказывает ваше к ней равнодушие. Ее излечит только безразличие.

– Но, предположим, что я не безразличен?

Джорджия пожала плечами:

– Тогда больше не о чем говорить.

Позднее она размышляла, насколько странным был данный разговор для двух человек, которые прежде не встречались. Если существует любовь с первого взгляда, наверно, есть и ненависть с первого взгляда, мгновенно создающая ту же интимность отношений. Однако у

нее не было причин ненавидеть Чилтона Кэнтелоу, более того, он показался ей обаятельным и благожелательным. Теперь, познакомившись с ним, Джорджия осознала, насколько идеально он подходит на роль руководителя заговора «А.Ф.». Она столкнулась с блеском его интеллекта, обаянием и силой характера и поняла, что восхищало в нем соотечественников. Однако у нее не было ни малейшей причины подозревать Чилтона в связи с заговорщиками. Тактика шока, примененная Джорджией во время их первой беседы, ни на дюйм не продвинула ее вперед. «Более того, – рассуждала она, – если те гранки, за чтением которых я застала старого мистера Мейфилда, действительно канал связи, с помощью которого руководство «А.Ф.» общается друг с другом, лорда Кэнтелоу следует исключить из него. Если бы он хотел направлять сюда приказы, не вызывая подозрения, ему достаточно было лишь разработать некий шифр, которым он пользовался бы в переписке. Нелепо предполагать, что он выбрал бы этот окольный путь с гранками».

Однако нет смысла анализировать все это, пока она не увидит книгу. Той же ночью, когда гости легли спать и дом затих, Джорджия осторожно вышла из своей комнаты. Добралась до кабинета мистера Мейфилда. Она приготовилась потратить время на поиски тайника с книгой, но та лежала на письменном столе, под документами, куда отец Элис сунул ее прошлым утром. Вернувшись к себе, Джорджия забралась в постель, снова включила ручной фонарик и начала просматривать гранки. «Пятьдесят лет на скаковом круге». Внутри обычная карточка издателя: «С наилучшими пожеланиями от “Изон, Свейн; Лтд”. Срок публикации 5 сентября».

Джорджия быстро переворачивала страницы. Если мистер Мейфилд был настолько беспечен, чтобы бросить книгу на столе, может, он еще и закладку оставил на соответствующей странице. Не повезло. И в тексте вроде никакой фальши. Миновал час, и Джорджия начала отчаиваться. Так или иначе, человек, пославший эту книгу мистеру Мейфилду, должен был передать в ней какой-то код. Однако, если цель состояла в том, чтобы избежать подозрения на тот случай, если посылка попадет не в те руки, он не осмелился бы приложить к гранкам письмо. Письмо? О, черт! Джорджия ругнулась: обычное сопроводительное письмо, издатели прилагают его к бесплатным экземплярам. «Почему я не подумала об этом?» На таком письме часто указывают регистрационный номер, с помощью которого внимание мистера Мейфилда привлекут к нужной странице. А теперь это письмо, без сомнения, уничтожено. Мистер Мейфилд мог спокойно оставлять книгу на виду: она была для него не более опасна, чем бомба с вынутым детонатором. Джорджия встала с постели, чтобы вернуть книгу в кабинет мистера Мейфилда, когда из нее выпала карточка издателя. Джорджия нагнулась за ней, и внезапно карточка показалась неестественно большой, заслонив все вокруг. 5 сентября. Издатели редко заранее готовят гранки ко дню публикации. Неужели это ключ, который она ищет?

Джорджия открыла пятую страницу, прочитала ее, тщательно изучила, посмотрела на просвет с помощью фонарика. Нет, ничего. Попробуем сентябрь. Девятый месяц года. Она открыла девятую страницу, девяностую, девяносто девятую. Все напрасно. Но у Джорджии возникло ощущение, что становится, как в игре, теплее. Умножим номер месяца на день. Девятью пять – сорок пять. И на сорок пятой странице она действительно нашла это. Под определенными буквами ощущались едва заметные впадинки, возникшие, вероятно, от нажатия на бумагу тупым металлическим стержнем. Они были незаметны глазу, однако чувствительные пальцы Джорджии нащупали их. Она произнесла буквы по порядку, и в ее голове словно начало обретать очертания жестокое преступление, о котором они говорили.

«Уайлдиопасенорганизуинесчастныслучайсрочно».

Этого было достаточно. Джорджия снова осторожно выбралась из комнаты, положила книгу туда, где взяла, и бесшумно вернулась в свою спальню. Удачно, что именно она напала на все это. Никто другой не в состоянии был бы понять данное сообщение. Уайлди – прозвище одного из офицеров ВВС, который присутствовал на собрании «А.Ф.» во время ее первого визита сюда. Уайлдман – широколицый, голубоглазый молодой человек, немного похожий на

актера Джеймса Кэгни. Очевидно, он каким-то образом стал опасен для заговорщиков «А.Ф.», вероятно, как и несчастная Роза Альварес. Уайлдман просто был неосторожен, а может, он – еще один агент сэра Джона Стрейнджуйса, который внедрился в движение и был разоблачен. В любом случае, из центра «А.Ф.» Мейфилду поступил приказ устроить несчастный случай. Без сомнения, у них есть связи на аэродроме. Механик на жалованье. Устроить это легко. «Организуйте несчастный случай срочно». Пока ничего не произошло. Вчера вечером Элис Мейфилд упомянула об Уайлди. Она сказала, что завтра днем Уайлди будет демонстрировать фигуры высшего пилотажа на аэродроме в Хартгроуве. Там был запланирован большой воздушный праздник, и все приехавшие к Мейфилдам гости туда собирались.

Несколько часов, пока не посветлело на востоке небо и не раздался первый птичий хор, Джорджия сидела в кровати, лихорадочно размышляя и планируя. В очередной раз она получила власть над жизнью и смертью. Предостеречь молодого Уайлдмана о грозящей опасности нетрудно, но, если она это сделает и «несчастный случай» будет предотвращен, подозрение немедленно падет на нее. Она с самого начала проявила интерес к гранкам. «А.Ф.» сделает вывод, что она прочитала их и предупредила Уайлдмана. С этого момента ее собственная жизнь не будет стоить ничего. Это Джорджию не столь уж и беспокоило, а вот что волновало до крайности, так это потеря последней возможности добраться до главного секрета «А.Ф.», к которому она была теперь так близка. Жизнь молодого летчика против жизни миллионов – жизни Англии. Жаль, что здесь нет Найджела или сэра Джона, они дали бы ей совет! Джорджия чувствовала, как ответственность давит на нее удушающей тяжестью ночного кошмара.

Когда за окном занялся рассвет, Джорджия поняла, что должна сделать. Благодаря внезапному озарению, ситуация прояснилась. Придется рискнуть. Если она ошибется и ее расчеты окажутся неверными, она станет убийцей.

С уверенностью опытного бойца, который принял решение и знает, что отменить его нельзя, Джорджия Стрейнджуйс повернулась на бок и уснула.

Глава 9. Навуходоносор

Аэродром Хартгроув расположен на плато среди холмов, расстилаясь на многие акры дернового покрытия, которое положили и выровняли так, чтобы с расстояния оно напоминало поле для игры в гольф. Скорость приземления истребителей, базирующихся в Хартгроуве, настолько велика, что для обеспечения безопасности им требуется ровная взлетно-посадочная полоса. В этот воскресный день по небу плыли облака, таща свои огромные тени по раскинувшимся холмам, а проглядывавшее между ними солнце освещало ангары из красного кирпича, аккуратные домики, где жили офицеры и рядовой состав, дорогу, идущую по границе летного поля и уставленную теперь автомобилями, сверкавшими лаком и хромом. Зрители расположились у южного края поля, их голоса смешивались с гулом моторов эскадрильи серебристых самолетов, которые с крутящимися пропеллерами находились в центре летного поля, готовые подняться в воздух для полета боевым порядком. Проходили механики и летчики – в синей униформе или белых комбинезонах, придавая всему атмосферу праздника. «Никто, кроме меня, – думала Джорджия, – не обращает внимания на карету “Скорой помощи” и пожарную машину, стоящие напротив, на дальнем конце аэродрома, такие маленькие, кажущиеся игрушечными».

Она ничем не должна выдать то, что ей известно. Необходимо сосредоточить свои силы на том, чтобы сыграть роль женщины, которая приехала посмотреть воздушный парад, привычна к опасности и не ожидает смерти. За ней наблюдали – Джорджия была в этом уверена. Доказательство тому она получила утром. В любом случае, Джорджия не осмелилась бы позвонить из дома на аэродром, это было слишком рискованно. Но когда после завтрака она вышла на улицу, Роберт Мейфилд увязался за ней, предлагая отправить письмо, которое она держала в руке, и тем самым избавить ее от утомительной прогулки до деревни.

– О, спасибо, – произнесла Джорджия, – я с удовольствием пройдусь.

Роберт уставился на нее с видом озадаченным и упрямым.

– Что ж, тогда мы оба пройдемся.

Репродукторы глухо гремели над аэродромом. Шум моторов нарастал. Серебристая эскадрилья рванулась вперед, пронеслась по дерну, незаметно взмыла в воздух и круто ушла ввысь, как стайка выпущенных голубей. Набирая высоту, они резвились в небе, двигаясь все вместе, словно каждый нырок, поворот и пике направлялся, как у птиц, инстинктом. Джорджия как замороженная наблюдала за ними, на мгновение забыв о своих страхах. Затем почувствовала чью-то ладонь на своем локте. Глядя в искрящиеся голубые глаза молодого офицера, Элис Мейфилд сказала ей:

– Вы ведь в прошлый раз встречались с Уайлди, не так ли?

Несколько минут они лениво переговаривались. Джорджия обратила внимание на его сухие, сильные запястья, представила, как они напрасно тянут заклинивший руль высоты, а самолет тем временем несется, кувыркаясь, к земле. Предупредить она могла только сейчас. Другие – Чилтон, Мейфилды, леди Риссингтон – стояли группой поодаль, словно, подумалось ей, по общему согласию пожелали дать Уайлдману последний шанс. Джорджия увидела, что Чилтон с любопытством, оценивающе рассматривает ее. С усилием, потребовавшим мужества, она сохраняла бесстрастное выражение лица, поддерживала обычный поверхностный разговор. Джорджия чувствовала, что надолго ее не хватит. Затем, в тот самый момент, когда ее руки сами собой сложились в обращенный к Уайлдману умоляющий жест, оглушительный, нарастающий вой обрушился на них с неба.

Серебристая эскадрилья, все еще идущая в едином строю, вошла в пике. Самолеты с воем выпали из облаков в вышине, вот они все ниже и ниже, летят быстрее скорости падения, словно какое-то божество, рассердившись на их дерзкие игры в небесах, схватило их в кулак и

швырнуло на землю, как горсть блестящих камешков. Они падали на летное поле, как метеоры. А потом, в тот момент, когда все уже вообразили, как они глубоко врезаются в землю, самолеты повернули вверх и с ревом ушли по кривой в сторону.

– Это было чудесно! – воскликнула Джорджия.

Но молодой Уайлдман уже покинул ее: она увидела, как он шагает к желтому самолету, стоявшему на бетонной площадке перед одним из ангаров.

– Приятный молодой человек, – произнесла Джорджия, обращаясь к Элис.

Та отвела глаза.

– О да. Да, приятный.

Джорджия обратила внимание, что Чилтон Кэнтелло внимательно следил за ними обеими, и во взгляде его сквозило легкое превосходство мужчины, наблюдающего за двумя женщинами, которые в любой момент могут в ярости сцепиться. В голове у нее промелькнуло, что Чилли нельзя считать свободным от подозрений. Элис как-то сказала ей, что личность лидера «А.Ф.» известна лишь шести руководителям районных отделений организации. Это могло быть правдой. В Чилли видна была определенная бравада, мальчишеская любовь к театральным эффектам, и это могло привести его к правлению инкогнито – как молодого короля в романах, – вместе с его последователями. По мнению Джорджии, Чилли позабавила бы возможность отдать приказ убить Уайлдмана, а затем приехать и посмотреть на реакцию исполнителей.

– Вот он полетел, – сказал ей Чилтон. – Удачи ему.

Желтый самолет оторвался от земли.

– Надеюсь, с ним ничего не случится, – проговорила Джорджия, глядя в лицо Чилтону.

– А почему с ним должно что-нибудь случиться?

– Ну во время фигур высшего пилотажа самолеты испытывают страшную перегрузку, не так ли?

– Перед полетом их досконально проверяют.

Толпа ахнула. Уайлдман вел свою машину в нескольких футах над землей, опустив одно крыло, похожий на птицу, которая пытается спастись от охотников. Вскоре он выровнял самолет, стал подниматься почти на хвосте и набрал высоту. Казалось, будто самолет возится и кувыркается в небе с невидимым товарищем. Скольжение на крыле, повороты, покачивание из стороны в сторону, мертвые петли – Джорджия прежде не видела более потрясающей демонстрации сумасшедшего полета. Если что-нибудь должно случиться, это произойдет сейчас. Ужасное напряжение, которому подвергала самолет воздушная акробатика Уайлдмана, найдет слабое звено; Джорджия всем телом чувствовала это напряжение, буквально рвавшее ее на части.

– Боже! – воскликнул кто-то. – Да он просто разговаривает своим самолетом.

Леди Риссингтон – томная, скучающая красавица – тихо вскрикнула. Молодой Уайлдман вошел в штопор. Джорджия взглянула на Чилтона Кэнтелло. Он неотрывно смотрел, но не на самолет, а на нее. Джорджия не дала себе труда расшифровывать выражение его лица: теперь она точно знала, что оно означает. Пытаясь контролировать свой голос, добавив едва заметную нотку тревоги в небрежный тон, она произнесла:

– Уверена, он успеет в самую последнюю минуту, как вам кажется?

Молодой Уайлдман, вне всякого сомнения, успел в последнюю минуту. Его самолет все еще стремительно падал вниз, беспомощный и тихий, как мертвый желтый лист, до самой последней черты безопасности. Но сердце Джорджии ликовало. Ее муки закончились. Уайлдману ничего не грозило, он ни на мгновение не подвергся опасности, разве что от собственной дерзости. Она сочла действия «А.Ф.» блефом, поставила жизнь этого блестящего летчика на то, что это блеф, и выиграла в решающем поединке. Джорджия едва услышала гром аплодисментов, когда он запустил мотор самолета и вывел его из штопора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.